

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Н а протяжении всей истории государства Российского деревня была кормилицей, мощью и совестью России.

Александр Невский и Дмитрий Донской, Александр Суворов и Михаил Кутузов своими победами и славой обязаны, прежде всего, воинам-богатырям, выпестованных русской деревней.

Открывались и осваивались дальние земли, строились и наполнялись жизнью новые города, возводились могучие фабрики и заводы – все это делалось, в основном, мозолистыми руками крестьян.

И Пушкин, и Толстой, и Некрасов, и Тургенев, и Есенин, и Шолохов, и Шишкин, и Репин - все они и многие другие писатели, художники, поэты и композиторы находили в деревне неисчерпаемый источник вдохновения и высокой нравственной культуры.

В годы гражданской и Великой Отечественной крестьянские сыны устилали своими телами поля сражений, обеспечивая победу русскому оружию; деревня, сама полуживая, опухшая от голода, кормила фронт и тыл, питала города.

Все успехи до- и послевоенных сталинских пятилеток обеспечивались, прежде всего, за счет российской деревни. Именно за счет многострадальной российской деревни Советский Союз стал могучей мировой державой.

Но частые войны, которые вела Россия в XVIII, XIX и XX столетиях, коллективизация и индустриализация истощили русское село до предела. В наше время ежегодно с карты страны

исчезают тысячи деревень и сел. Русская деревня вымирает. Пустеют дома, зарастают борщевиком и лесом некогда тучные поля и огороды.

Советская власть, в немалой степени повинная в деградации и истощении деревни, в 70-80-ые годы прошлого столетия предпринимала активные попытки спасти умирающее село.

В те годы в деревнях и селах строились жилые дома со всеми удобствами, школы, клубы, дома культуры, магазины, фельдшерско-акушерские пункты, библиотеки, очистные сооружения, фермы и многое другое, что должно было значительно облегчить и улучшить качество жизни сельского труженика.

С приходом к руководству страной бездарного генсека Горбачева на всей программе возрождения русской деревни был поставлен жирный крест.

Осиновый кол в сердце русской деревни, видно в пьяном бреду, забил горе-реформатор Ельцин, своим указом упразднивший колхозы и совхозы. Это было подобно катастрофе. Оказавшись не у дел, колхозники начали спиваться, наиболее предприимчивые подались в города, пополняя ряды безработных, бомжей и проституток. И ничто, и никто уже не в силах остановить этого трагического по своей сути и значению процесса.

Среди десятков тысяч деревень была в Унечском районе Брянской области прекрасная благополучная деревня Василёвка. В 2009-ом году ей исполнилось бы 230 лет. Много повидала она за годы своего существования. Неурожаи, засухи, пожары, голод, нашествия Наполеона и Гитлера – все выдержала, как утес выстояла матушка-деревня. Но она оказалась бессильной перед беспощадностью времени, бездарностью и предательством вождей.

Осенью 2007-го года деревню Василёвку покинула последняя жительница, 78-летняя труженица, заслуженная колхозница, Малеева Мария Сергеевна.

Предлагаемая читателю почти документальная, ностальгическая повесть, основанная на сохранившихся в моей памяти реальных событиях, о замечательных людях – моих земляках – это попытка воссоздать и сохранить для будущего облик исчезнувшей Василёвки, обычаи и нравы ее жителей, образы близких мне людей.

Некоторые имена и фамилии героев этой повести по этическим соображениям изменены.

Глава I

*Россиянин я, из той деревни,
Что стоит на взгорке у реки.
В той деревне девки, как царевны,
Как цари в деревне мужики...*

А. Гусев

1.

Если бы вам в наши дни представилась возможность побывать в деревне Василёвке, расположенной примерно в десяти километрах юго-западнее небольшого районного городка Унечи, вы бы вместо некогда благополучного, цветущего селения увидели брошенные почерневшие деревянные дома, заросшие высоким борщевиком улицы и огороды, запущенные сады, покосившиеся обветшалые заборы и ни одной живой души – никаких признаков жизни. Унылая, грустная картина.

Когда-то, не так давно, еще лет тридцать тому назад здесь жили люди хорошие, добрые, работающие – много людей. У домов на улицах играли дети, на завалинках сидели старики, в полях гудели трактора и комбайны, а на сочных лугах паслись большие стада коров, лошадей, овец.

Ухоженные, в основном добротные, дома утопали в роскошных садах. В Василёвке было 76 домов, в которых проживало 389 человек. Больше чем на километр вытянулась деревня вдоль единственной главной улицы, почти от речки, с юга на север. На трети своей длины, у дома Кургуза Василия Антоновича, где был лучший в округе колодец, поивший «живой» водой полдеревни, от главной улицы ответвлялся единственный небольшой переулок на десяток домов. За ним, в отдалении, на обширной возвышенности, стояла ветряная мельница, мимо которой проходила дорога, ведущая в Унечу. По этой веками натеренной дороге василёвцы ходили и ездили в город.

В самом центре Василёвки, перед небольшой площадью стоял деревянный клуб, рядом – колхозная канцелярия, и чуть поодаль – сельмаг. Здесь всегда, особенно в субботние и воскресные вечера, былолюдно, а когда приезжала кинопередвижка, или приходили из соседних сел парни с гармошкой и бубном – устраивались массовые танцы, что называется «до упаду». Летом танцевали на открытой площадке у клуба или на ближайшей зеленой лужайке.

Метрах в ста от сельмага, на небольшом холме размещалось деревенское кладбище, без часовни и склепов, с несколькими гранитными памятниками. В основном же могилы обозначены посеребрившими от времени нехитрыми деревянными крестами.

Протянувшаяся на север от клуба деревенская улица плавно переходила в укатанную временем дорогу, которая вела на лежащие по обе стороны громадные поля, и далее в большие села Красновичи и Добрик.

Южная окраина Василёвки крайними хатами почти упиралась в деревянный, бревенчатый, устроенный на сваях мост, через который могли проезжать грузовики грузоподъемностью свыше пяти тонн, а в годы Отечественной войны по этому мосту проходили советские Т-34 и немецкие «Тигры». Эта дорога вела в село Старая Гута и на станцию «Песчаники». Иногда во время особенно бурного весеннего половодья мост сносило, и деревенские умельцы-плотники наводили его заново.

Вокруг Василёвки лежали большие и маленькие поля, которые старательно обрабатывались крестьянами. За полями начинались гигантские лесные массивы, протянувшиеся на многие километры вокруг.

Поля, леса, овраги, речки, рощи – все имело свои имена или прозвища, происходящие из времен далекой древности; появлялись и новые названия, вызванные какими-то важными новейшими событиями.

За Речкой, особенно в восточной ее части стояли вековые сосновые и еловые рощи, под кронами которых произрастали обильные черничные, брусничные плантации и грибные угодья. Эти места носили название Гутняцкие.

Вдоль старой, зарастающей подорожником-травой и мелким кустарником дороги, которая вела в Гнилушу, Рудню и далее в древний, уютный, красивый город Клиницы, расположенный в 30 километрах, раскинулись роскошные лиственные леса, похожие на джунгли вековые дубы, клены, грабы, ясени, между которыми буйствовали заросли орешника, калины, ежевики, рябины, диких яблонь и разной иной древесной растительности.

Ближние к деревне массивы назывались Зашколье, в память о стоящей некогда в отдалении от Василёвки школы, и Коляскино болото – громадная топкая наполненная затхлой водой низина; а

дальние - назывались Грабщиной. Возможно потому, что там произрастали рощи граба, а может быть потому, что в тех глухих местах некогда обитали разбойники, которые грабили проезжих.

Эти почти непроходимые, протянувшиеся на многие километры девственные таежные (джунглевые) заросли были благоприятным местом для обитания волков, лосей, диких кабанов, лисиц и разной другой живности. Внизу между деревьями и кустами, в тени и сырости в большом количестве водились змеи: гадюки, ужи, полозы и сливянки.

По Добрикской дороге, которая начиналась от крайних хат северной части Василёвки, километрах в двух справа на широкой возвышенности, видимо когда-то очень давно, действовал стекольный завод, о чем свидетельствуют едва сохранившиеся развалины - остатки каких-то кирпичных строений, большое количество цветного стекольного шлака, разноцветных осколков битого стекла. Чуть ниже протекает небольшая речушка Ржанец и далее обширные пахотные поля и луговые пастбища. Места эти назывались: Москалево или Москалевка. Километрах в двух левее по течению Ржанца простирались просторные нивы Ермаковки, по имени небольшой деревушки (хутора), которая стояла здесь до коллективизации и в конце двадцатых годов XX века была переселена в Василёвку.

Безусловно, деревня Василёвка была расположена в живописных, божественных местах юга центральной России.

Когда-то в конце первого – начале второго тысячелетия эти территории входили в состав древнего славянского государства, позднее они отошли к Польско-Литовскому королевству (княжеству); подвергались в XII-XIV веках разорению татаро-монгольскими ордами; наполеоновскому нашествию в 1811-1812 годах; затем по условиям Брестского мира (1918 год)

отошли под юрисдикцию германского государства – граница в те годы проходила по реке Унече (1918-1920 года), и с 1941 по 1943 годы были оккупированы гитлеровской Германией.

По рассказам стариков по территории близлежащих к Василёвке земель проходили в начале XVIII века полчища шведского короля Карла XII. Много повидала и выстрадала эта часть земли русской. Если б только земля могла говорить, она рассказала бы очень многое.

2.

По преданию Василёвка была основана в 1779-ом году братьями Василием и Иваном Малеевыми – дальними опальными родственниками фаворита императрицы Екатерины II графа Петра Васильевича Завадовского, который владел в те времена обширными землями на территории нынешних Смоленской и Брянской областей. Именем старшего брата и была названа деревня.

Автора, как вероятно и многих других моих однофамильцев, много лет с детства занимал вопрос происхождения фамилии Малеевы. Откуда берет эта фамилия начало, кто был первым ее обладателем? Пришлось потратить немало времени, перечитать много литературы, хотелось по возможности ближе подойти к истокам разгадки этой «фамильной тайны». «Накопать» удалось немного. Специалисты предполагают, что фамилия «Малеев» может быть производной от слова «Мал», что значит «маленький, младший». Не исключается также, что фамилия могла произойти от

имени древлянского князя Мала, который в 945-ом году возглавил восстание против киевского князя Игоря и убил его. После этого Мал предпринял попытку посвататься к вдове Игоря, княгине Ольге. Ольга дважды расправилась с посланцами Мала и устроила резню древлянской знати на могиле Игоря, а затем пошла войной на древлян и разгромила их. О судьбе Мала в «повести временных лет» ничего не сказано.

На юге Пелопоннеса, на полуострове Морея, есть мыс Малей. Это крайняя точка полуострова Пелопоннес. Мыс назван в честь преподобного Фомы Малейна, жившего в X веке, который был воином, славился силой и храбростью и совершил на мысе много своих выдающихся подвигов. Потом он удалился в монастырь и прославился чудотворными деяниями.

В издании «Легенды и предания о кладах» приводится еще одно давнее предание, связанное с кладом награбленных разбойником Малеем драгоценностей и якобы спрятанных на южной околице Чернигова, в лесном урочище, которое носит его имя. Там, в Малеевом рву, между вековыми дубами и кустами орешника, в склонах Болдинских гор, таятся входы в пещеры. В какой пещере был спрятан клад неизвестно.

Если тщательно, с небольшой долей фантазии, проанализировать и сопоставить эти факты, то можно выстроить последовательную логическую цепочку. Древлянский князь Мал после разгрома своего воинства киевской княгиней Ольгой в 945-ом году бежит с группой сторонников в Грецию, где на полуострове Морея совершает свои воинские подвиги, а потом удаляется в монастырь. Годы жизни князя Мала и Фомы Малейна совпадают (945 – X век). Так что нельзя исключить, что это одно и то же лицо, взявшее себе второе имя Фома. Возможно, у князя остались потомки, которые возвратились на родину предков славян - в Польшу.

В Польше в средние века был пан Малей. Очень возможно, что обладатели этой фамилии родом из Польши. Несколько веков Чернигов входил в состав некогда влиятельного польского государства. Отсюда возможное родство польского пана Малея и черниговского разбойника, называемого Малеем, с графом Завадовским, потомки которых братья Василий и Иван, будучи в молодости гвардейцами, служили у графа.. С натяжкой, но такая версия не исключена. Разумеется, возможны и другие варианты исторических событий вокруг этой фамилии.

Кстати, недалеко от Красноярска есть поселок Малеевка, а в Подмосковье - небольшой городишко Малеевка. Не так давно в «Московском комсомольце» была опубликована заметка «Тайна Бармалеевки» и стихотворение С.Я.Маршака:

*В чью честь была наречена Малеевка Малеевкой?
В честь Корнея Чуковского она была бы Бармалеевкой.
Но как об этом трактовал Малеевский философ,
Ее в честь повести назвал Малеевою Носов.
Но мне приятней и милей преданье, что когда-то
Здесь жил татарский хан Малей беспечно и богато...*

Итак, как утверждает легенда, Василёвка была основана в 1779-ом году братьями Василием и Иваном Малеевыми. Красивые, сильные, умные, работающие, они довольно быстро распахали обширную поляну по соседству с речкой, построили для себя деревянные дома и полагающиеся при них постройки для скота и птицы; удачно женились на девушках из села Красновичи и счастливо в окружении своих многочисленных чад прожили свой век.

К концу XIX века в Василёвке было уже более сорока домов, хозяева которых носили одну фамилию - Малеев. Василёвские парни брали замуж девушек из Красновичей, Лыщичей, Гуты, Гнилуши, Рудни. В свою очередь, василёвских девушек выдавали за женихов из этих же соседних сел. Постепенно общие прародители – основатели Василёвки – стали забываться. Зато образовалось несколько соперничающих, а иногда и враждующих между собой родов (кланов). Эти родственные группы отличались и материальным достатком: кто-то был побогаче, кто-то победнее. Наиболее материально благополучными были семьи Евдокима, Петрока, Мирона, Давыда, Дмитрока. Это были мудрые, умные, работающие и по-деревенски скуповатые, бережливые люди. У всех у них в центре деревни были большие дома на две половины, по несколько лошадей, коров, овцы и другая живность, а также пасеки. Семьи были многочисленными по восемь - десять человек. Меньше семи детей василёвские женщины не рожали.

К вполне зажиточной можно было отнести и семью Никиты Малеева, но однажды по роковому стечению обстоятельств, благополучие этого рода было разрушено. Но это отдельная страница нашего повествования.

3.

Особой достопримечательностью Василёвки, вызывающей гордость ее жителей и восхищение приезжих была большая ветряная мельница, расположенная на просторной

возвышенности, что на краю селения, построенная в начале XX века василёвскими мужиками под руководством пленного австрийского инженера, имя которого стерлось в памяти селян. Удивительным было то, что все валы, шестерни, вибраторы, грохоты были сделаны исключительно из дерева. Из металлических деталей применялись только гвозди. Мощные пятиметровые крылья-лопасти ветряка с натянутыми льняными парусами трудились днем и ночью, вращая огромные двухметровые гранитные жернова.

Со всех окрестных деревень и сел везли в Василёвку на мельницу рожь и пшеницу, ячмень и гречиху, и увозили обратно, порой еще теплую, муку превосходного помола.

До коллективизации и вплоть до отечественной войны мельница для василёвцев выполняла не только важную хозяйственную функцию, но она являлась своего рода культурным, информационным и торговым центром, который приобретал особую значимость в течение всей долгой зимы.

Сразу после завершения полевых работ, когда начинались первые осенние заморозки, на мельницу направлялись крестьянские обозы из соседних сел. Мужики группировались по три, пять, а иногда и более подвод, груженных тяжелыми мешками с зерном – так и споваднее и безопаснее, да и помочь друг другу сподобнее. Иногда на мельнице из разных сел собиралось по 10-15 подвод, которые по нескольку дней ожидали своей очереди на помол привезенного зерна. Часто это оказывались знакомые, а то и родственники. Телефонов в ту пору в деревне не было. Не позвонишь, не спросишь, есть ли очередь на василёвской мельнице. Поэтому, зная, что едут, возможно, на несколько дней, крестьяне запасались едой, а часто и выпивкой, а также овсом и сеном для лошадей.

Мужики занимали очередь, распрягали лошадей и собирались группами, курили, обменивались новостями, не спеша, вели разговоры на разные жизненные, бытовые и политические темы. Часто здесь договаривались о всевозможных сделках, кто-то у кого-то обещался сосватать дочь за своего сына или родственника, кто-то договаривался о продаже или покупке коровы или лошади, или телеги, или еще о чем-нибудь. В общем, здесь шла активная деловая жизнь...

Почти у каждого приезжего в Василёвке были родственники или знакомые, которых в обязательном порядке полагалось навестить, передать «поклоны», посидеть вместе за столом, а если на дворе мороз или непогода, то и переночевать.

Хозяин ветряка, бессменный мельник Аким Иванович Малеев, почти круглосуточно находился на своем «хлебном» рабочем месте; уходя на обед или поспать, а его большой ухоженный дом с садом находился рядом, в трех минутах ходьбы, он оставлял вместо себя своего брата Николая или живущего неподалеку приятеля Егора.

Акима в лицо знали практически все мужики соседних сел и деревень и естественно уважали. Он был своего рода достопримечательностью, «национальным достоянием» Василёвки. Среднего роста, хорошо сложенный, с правильными красивыми чертами лица, с короткими рыжеватыми усами, немногословный, неглупый, незлобивый, скорее, ко всем дружелюбный, он пользовался большим уважением земляков. У него было три красавицы-дочери (Варвара, Мария, Татьяна) и два сына (Василий и Николай) – все один к одному.

Аким считался зажиточным, даже по-деревенски богатым человеком; он не был жадным ворюгой, но сама должность позволяла ему быть состоятельным человеком.

Когда менялось направление ветра, приходилось переориентировать и ветряк. Нужно было

повернуть головную часть мельницы вместе с крыльями навстречу ветру. Это требовало и умения, и опыта, и, естественно, при этом необходима была помощь клиентов, - мужики помогали Акиму с охотой.

Мельница была общественной собственностью, и придавала деревне чувство капитальности, уверенности и благополучия.

Неподалеку от ветряка протекала невзрачная, некогда в древности, видимо, большая полноводная река, о чем свидетельствовали высокие коренные, расположенные по обе стороны русла берега. Когда по весне, а происходило это, как правило, в первой декаде апреля, речка разливалась, наполненная талыми водами, она превращалась в мощную бурлящую реку, которая отрезала Василёвку на 10-15 дней от всего православного мира. Никто: ни пеший, ни конный, ни, позднее, на тракторе не отваживался преодолеть эту разбушевавшуюся стихию. К концу второй декады апреля все возвращалось в старые берега. В речке водились громадные щуки, налимы и вьюны. Зимой и летом в реке, в отведенных определенных местах, деревенские женщины полоскали белье.

Заливные луга к середине лета покрывались высокой густой травой, которая стараниями деревенских мужиков и баб в знойные июльские дни превращалась в стога прекрасного пряно пахнущего сена.

В 1948-ом году по инициативе Ивана Ивановича Малеева и Федоса Васильевича Мищенко, поддержанной районными властями, на реке было начато строительство плотины. Выбрали место, где было наименьшее расстояние между наиболее высокими коренными берегами. Проект

разрабатывался на ходу, по месту, с учетом мнений наиболее разумных мужиков. Обобщал предложения и осуществлял руководство стройкой Иван Иванович. Это была всенародная стройка.

Грунт брали в разрабатываемых рядом карьерах, в той части, которая должна была подвергнуться затоплению. Работа проводилась в периоды, когда людей и лошадей можно было отвлечь от основной работы без ущерба для дела, разумеется, в летнее и осеннее время. Грунт грузили вручную лопатами на телеги. Всего было задействовано до 15 подвод, а также тачки и носилки. Активно помогали и школьные ребяташки, их энтузиазм и радость били через край. Грунт послойно трамбовали, в основном женщины ногами и ручными деревянными трамбовками. Стройка длилась два года.

Летом 1950-го перекрыли обводное русло. Плотина, длиной метров пятьдесят и высотой до семи метров, смотрелась солидно, внушительно. На середине над ставком был сооружен красивый бревенчатый мост с перилами. Водоем начал заполняться. За плотиной течение Речки остановилось.

В августе несколько дней подряд шли обильные дожди, и однажды василёвцы увидели перед плотиной широкую, разлившуюся, как в половодье, реку. Все радовались, как дети, поздравляли друг друга. Федос Васильевич и Иван Иванович чувствовали себя именинниками и уже строили планы о строительстве на берегу нового водоема гусиной птицефермы, о промышленном разведении карпа, о монтаже гидрогенератора...

Зима 1950-1951 годов была необычайно обильна снегопадами, а весна на редкость дружной. Рукотворное озеро переполнилось талой водой до краев. Перелив не справлялся с пропуском воды. Вода пошла через перелив. Руководство колхоза предпринимало беспорядочные попытки спасти

плотину. Но не было ни землеройной техники, ни автомашин. Ну, хотя бы один небольшой бульдозер! Плотина не устояла.

Когда утром 12 апреля люди пришли на берег озера – его уже не было. Плотина была более чем на половину смыта. Восстанавливать ее больше попыток не предпринималось, так как осенью 1950-го года колхоз имени И.В.Сталина был в порядке укрупнения включен в состав Старогутнянского колхоза имени А.Жданова. Новому руководству укрупненного колхоза плотина была не нужна.

4.

До коллективизации (до образования в Василёвке колхоза) достаток каждого селянина определялся площадью земельного надела, которым располагала семья, наличием скота, размерами дома и надворных построек.

Самыми состоятельными, как уже говорилось, считались семьи Малеевых: Евдокима, Давыда, Петрока, Мирона, Дмитрока и Никиты. У них были просторные дома на две половины, по пяти окон каждая, капитальные дворовые постройки, широкие тесовые глухие, как правило, дубовые ворота; к дому примыкал большой сад с домашней пасекой на 10-15 ульев и, разумеется, рубленой баней вблизи дома. Каждый из этих деревенских «олигархов» владел лучшими наделами лугов и пашен, лесными угодьями, имел в собственности по 2-3 лошади, 2-3 коровы, 3-4 свиньи и до 20 овец, и

разной птицы: кур, гусей, индеек. У них были большие семьи по 8-12 человек, часто старшие сыновья, женившись, жили своими семьями вместе с родителями. У Мирона во второй половине дома со своей семьей жил старший сын Марк, у Евдокима - сын Василий с семьей, у Давыда – младший сын Михаил, у Петрока – Трофим. Самая большая семья была у Малеева Никиты Корнеевича – 11 человек, в том числе 9 детей: 7 парней и 2 девки – Иван, Сергей, Егор, Стефан, Федор, Николай, Савва, Анастасия и Ефросинья. У Дмитрока (василёвцы его звали Змитрок) было 5 сыновей и 2 дочери; у Евдокима трое сыновей: Антон, Василий, Владимир и четверо дочерей: Акулина, Александра, Аксинья и Алена; у Давыда тоже трое сыновей: Иван, Михаил, Кирилл и четверо дочерей: Кристина, Марья, Анастасия и Полина; у Мирона было шестеро – трое сыновей и трое дочерей; у Петрока было пятеро детей; у Кургуза – шестеро.

Крепкое физическое здоровье родителей, здоровая пища, свежий воздух, отсутствие контрацептивов, дорогой керосин и отсутствие электричества, а также запрет церкви на аборт – аборт считался страшным, смертным грехом – стимулировали рождаемость. В некоторых семьях пополнение поступало почти ежегодно. Без гинекологов, акушеров и больниц рождались крепкие, здоровые дети. Детская смертность была редкой. Без памперсов, подгузников и детских колясок вырастали крепкие, сильные парни и красивые, кровь с молоком, девицы. Почему-то, видимо, по божьей милости, в Василёвке не было уродов и калек. Все как на подбор удалыцы-молодцы, да девицы-красавицы. Правда, в семье Дмитрока (Змитрока) произошло несчастье – младший его сын Миша, лет 6 от роду, упал с яблони, да неудачно, повредил позвоночник. Так и остался на всю жизнь горбатым. За ним навсегда сохранилась кличка – Мишка Горбатый. А в семье Малеева Трофима (сына Мирона) чудная девочка Маша в двенадцать лет переболела менингитом, выжила,

но осталась физически несколько недоразвитой, как будто остановилась в развитии. Но зато, какой это был замечательный добрый, душевный человек!

Как правило, василёвские «олигархи» были бережливыми трудоголиками. Они силами своих домочадцев вполне справлялись со всеми полевыми и домашними делами, редко прибегая к помощи соседей. Каждая семья вела, по сути, натуральное хозяйство. Практически, вся одежда, обувь, постельное белье изготавливались в домашних условиях. Из льна пряли пряжу и ткали тонкое льняное полотно, из которого потом шили взрослым и детям нательное белье, полотенца, рушники, наволочки, простыни; из крашеного полотна изготавливали верхнюю одежду. Из овечьей шерсти вязали носки, варежки, шали, шарфы, катали валенки; из овечьих шкур шили полушубки, шубы, тулупы, шапки; из шерстяных ниток ткали полотно, из которого потом кроили женские юбки, мужские штаны, зипуны, армяки и другую одежду.

Летом большинство селян предпочитали ходить босиком, хотя, учитывая обилие гадюк в окрестностях деревни, это было опасно, или в лыковых лаптях, которые обувались на льняные онучи. Что за чудо эти лапти летом! Легко, безопасно и гигиенично и, как сказали бы теперь, экологично. Ноги чувствуют себя, как «у бога за пазухой».

Селяне полностью обеспечивали себя здоровой калорийной пищей. Излишки молочной продукции, мясо, колбасы, мед, овощи, картофель, зерно – после сдачи обязательной доли государству – отправлялись на базар. Весь сельхозинвентарь: телеги, сани, плуги, грабли, деревянные бочки, кадки, хомуты, бороны, ножи, - готовились самими деревенскими умельцами. В магазинах приобретались керосин, соль, сахар, ситец, красивые платки, ботинки, женские сапожки и

мужские сапоги, кепки или фуражки, топоры, косы, пилы, ножовки – все то, что не вырабатывала «деревенская промышленность».

С весны до поздней осени все жители занимались уходом за посевами и за скотом. Осенью трудовое напряжение несколько ослабевало, вернее, оно приобретало другое направление. Нужно было приложить немало труда и ума, чтобы рачительно распорядиться выращенным урожаем, излишками нагулявшего за лето тучный вес скота и птицы.

В те годы на русскую землю рано приходили суровые зимы, а с ними и новые заботы: накормить и напоить скотину, подоить коров, натопить русскую печь так, чтобы и в морозные ночи было в избе тепло, свезти по санному пути в Клинцы на базар излишки зерна, овощей и мяса. (Василёвцы предпочитали клинцовский рынок).

У семей победнее забот было еще больше: нужно было рассчитаться с долгами, что-то продать, чтобы купить керосин, обувь, одежду и на прочие хозяйственные нужды и спланировать дальнейшее скудное потребление так, чтобы продовольствия хватило до нового урожая.

Если у «олигархов» всегда зимой и летом были на столе хлеб, молоко, творог, сметана, мясо, яйца и прочая снедь, то у бедняков, которые составляли в деревне большинство, основным продуктом была картошка, квашеная капуста, не всегда имелись хлеб и соль, а в качестве освещения часто использовалась лучина.

Автор так подробно останавливается на некоторых уже забытых сторонах образа жизни и быта василёвцев, чтобы напомнить, особенно молодым людям, чьи корни зарождались в Василёвке, чьи деды и прадеды (мир их праху) спят вечным сном на василёвском кладбище, какой трудной и в то же время какой прекрасной была жизнь крестьянина.

Исключение среди одинаковых василёвских фамилий «Малеев» составлял только Кургуз Василий Антонович...

Шел солдат из немецкого плена в 1918-ом году, пробыл в плену почти четыре года. Путь его почему-то лежал через Василёвку, остановился у одного богатого мужика переночевать, да подработать на дальнейшую путь-дорогу, и задержался. Положил глаз на дочь хозяина. Понравились друг другу, поженились. Так, в Василёвке появилась еще одна фамилия – Кургуз...

В Василёвке существовала парадоксальная ситуация: в деревне было одновременно несколько владельцев одинакового имени, отчества и, естественно, фамилии. Взять, например, имя Василий. Их было в деревне шестеро. Из них двое с одинаковым отчеством. Как их называть, чтобы знать о ком идет речь? Простой народ мудр во всем, и василёвцы не были лишены этого дара. Людей именовали либо по безобидным шуточным прозвищам, либо, используя имя матери или отца, или даже дедушки с бабушкой. Например, Малеева Василия Трофимовича – сына бывшего председателя колхоза – называли Василь Трофимов, а Малеева Василия Трофимовича – сына кузнеца – именовали просто Ковалек (от белорусского слова Коваль, что значит «кузнец»). Третьего Василия назвали Василь Акимов, далее Василь Евдокимов (по имени отцов) и так далее. Марий или Маш в Василёвке было десять. Все Малеевы. Их различали так: Маша Акимова, Маша Егорова, Маша Сергеева, Маша Стефанова, Маша Митрофанова, Маша Змитрокова, Маша Давыдова, Маша Павлюкова и так далее по имени отцов. Поля Матренина, Поля Аксютинина – здесь уже по матери, потому что отец Поли Аксютинной Кирилл умер давно и многие его не помнили. А, например,

девочку-красавицу Галину Петровну Малееву, отец которой работал в Унече и в Василёвке появлялся редко, а у Галиного дедушки было прозвище «Струк», называли Галя Струкова.

Женщин называли просто: Егорыха, Стефаниха, Павлючиха, Антониha, Кургузиха, Агеиха и т.д. Но, повторюсь, учитывая, что василёвцы жили в основном в дружбе и согласии – ссоры или перебранки возникали редко – следовательно и обидных прилипчивых прозвищ было мало, да и использовались они редко. Другое дело весь род Никиты Корнеевича Малеева – всех его семерых детей от второй жены Анны (девичья фамилия которой была Пызина) и детей этих детей дразнили «пызаками», и это считалось очень злым и обидным прозвищем.

Для среднерусской деревни характерна особая манера поведения, некий такт, изначально дружественные отношения, даже к незнакомому человеку. Встретив на улице незнакомца, с ним первым поздороваешь, да еще с поклоном, василёвец, вежливо поинтересуется, кто, откуда и зачем в Василёвке. Детишки, здороваясь со старшими, обязательно снимали свой картузик (деревенские дети в то время любили носить картузы) или иной головной убор.

Ненормативная лексика в трезвом виде использовалась только среди взрослых мужчин, да и то редко и к месту; у мальчишек на любое слово из трех, пяти букв или другое ненормативное словосочетание было жесткое табу. Если кто-то из пацанов вдруг с оглядкой произносил трехбуквенное слово, ему тут же поступала угроза: «Что...ты...сказал?! Я об этом расскажу твоему батьке или твоей матке!» Это было серьезным предупреждением, и действовало безотказно.

Василёвские женщины отличались скромностью и целомудрием. Ненормативные слова произносились очень редко, да и могли это сделать только две-три женщины на все селение. В ссоре эти дамы допускали громко на всю улицу непечатные выражения. Иногда в качестве аргумента

применялось более убедительное средство – соперница поворачивалась к обидчице спиной, наклонялась и поднимала подол. Это, видимо, соперницу «впечатляло», ссора заканчивалась тут же.

По праздникам, чаще всего религиозным: Рождество, Старый Новый год, Крещение, Пасха, Троица, Рождество Богородицы в каждом доме обязательно устраивалось застолье с хорошей деревенской едой и обязательной по такому случаю самогонкой. Самогон гнали практически все – и до революции, и во время «сухого закона», принятого Николаем II, и после революции – тайком, украдкой, под страхом штрафа, ареста, но все равно гнали.

Как же без этого прожить? Выпивали почти все: мужики, бабы, парни и даже подростки. Но особо необходимо подчеркнуть, что только по праздникам. Хронических пьяниц и алкоголиков в деревне не было. Девушки, даже взрослые, в 25-27 лет выпивали очень редко, и расценивалось это деревенской общественностью строго, как «ЧП». Бывали случаи, когда отдельные мужчины напивались до беспмятства, некоторые не пили совсем. Встречались и хорошо выпивающие женщины. Во время застолья пели хором песни: «Шумел камыш...», «Распрягайте, хлопцы, коней...», «Ой, при лужке, при лужке...» и другие, до упаду танцевали «Барыню», а потом в обнимку, толпами по 6-7 человек, на всю ширину улицы ходили по деревне и до поздней ночи горланили частушки. Иногда попойки заканчивались драками. Но это случалось крайне редко.

Василёвка располагалась на стыке Украины и Белоруссии, неоднократно оказывалась за границами русского государства, и, естественно, эти обстоятельства не могли не повлиять на формирование разговорной речи, на которой общались василёвцы. Было заимствовано большое количество слов из украинского, белорусского, даже немецкого языков. Если бы житель Вологодской или Ярославской области оказался вдруг в Василёвке, он многие слова просто не смог бы понять. Окончание многих слов, особенно глаголов, носили явно украинский характер, они просто «смазывались». Вместо окончания на «л» применялось «в», причем все слово произносилось как-то жестче. Русская фраза: «Вчера он был в городе», василёвская – «Учѐра ён був у городи». Вот образцы – переводы некоторых слов. Сегодня – сядни, аист – черногуз, петух – певинь, птица – птушка, позавтракал – поснедав, поужинал – повячеряв, картошка – бульба, лук – цыбуля, жена – жонка, хлев – пуня, отец – батька, мать – матка, и каждая фраза требовала некоторого времени на ее осмысление, мысленный перевод. «Мой батька пойшов пасвить коний» - «Мой отец пошел пасти коней», «Ён кажа» - «Он говорит» и т.п. Кстати, в расположенной всего в пяти километрах Старой Гуте говор значительно отличался от василёвского. Он также был до крайности засорен украинским и белорусским, но был как-то певуче-растянут, в словах по-другому ставились ударения, менялось значение отдельных слов. Буква «г» повсеместно произносилась мягко, на южный украинский манер. Говор всегда был громким, на всю улицу - от соседей не было секретов.

Либералы-монархисты (оптимисты), горюющие до сих пор о той России, которую мы потеряли (имеется в виду дореволюционная Россия) утверждают, что до 1917-го года в стране было

аж 23% грамотного населения, историки-коммунисты утверждали, что в царской России 90% населения было неграмотным. Кто бы ни был из них объективнее – разница в цифрах невелика.

До революции в Василёвке большая часть жителей была неграмотной, не было даже начальной школы. Детей из семей побогаче отдавали в Красновичи в двухгодичную церковно-приходскую школу. Таких на всю деревню можно было пересчитать по пальцам.

В 1934-1935 годах в Советском Союзе государством был объявлен «всеобуч». Все взрослое население посадили за парты. Все должны были уметь читать и писать. Об этом грандиозном по своему масштабу и исключительному по своему гуманитарному значению событию как-то «понарошку» забыли в пылу критики и охаивания всего советского. Дескать, все, что тогда делалось – делалось только плохо.

В течение 1934-1935 годов, в свободное от производственной работы в колхозе время, все неграмотные люди всех возрастов постигали грамоту. И небезуспешно. Большинство слушателей этих своеобразных «университетов» научились неплохо читать, считать (совершать простейшие арифметические действия: умножение, деление, сложение и вычитание столбиком), сносно писать. Те, кто был помоложе и поспособнее пошли дальше, они заканчивали вечерние школы – сеть которых была развернута по всему Советскому Союзу – и далее учились в институтах, университетах на рабфаках. Многие стали известными инженерами и видными учеными.

Сразу же после коллективизации в 1930-ом году в Василёвке, в доме бывшего богатея Ульянова, была организована начальная школа. Советская власть проводила большую разъяснительную работу среди населения, уговаривала, принуждала детей школьного возраста учиться. Первыми, кто учился в этой школе, а потом продолжили обучение в средних школах в

Унече и закончили педучилище были Кургуз Любовь Васильевна, Малеева Прасковья Павловна и Малеев Владимир Федорович (двоюродный брат Прасковьи). Василёвцы гордились этими молодыми людьми и уважительно, без иронии, называли их «учеными».

После окончания василёвской начальной школы немногие (только некоторые) продолжали учебу в Красновицкой семилетней школе. В Красновицах находился сельсовет, поэтому сподобно было там и учиться.

С 1943-го года сельсовет перевели в село Добрик, там тоже была семилетка, и с этого года василёвские дети стали посещать добрикскую школу. В те годы всяк, окончивший 4 класса, считался уже достаточно грамотным человеком, а закончивший 7 классов - вполне грамотным.

В 1943-45 годах в Добрик ежедневно, зимой и летом, в любую погоду пешком ходили (семь километров туда и семь километров обратно) в шестой и седьмой класс Мишка Егоров (Малеев Михаил Егорович) и Маша Акимова (Малеева Мария Акимовна). Позднее Добрикскую семилетку заканчивали многие василёвцы. В 1951-ом году после укрупнения колхозов сельсовет перевели в Старую Гуту, и с этого года туда стали ходить на учебу василёвские школьники. До Старой Гуты пути было всего пять километров.

С наступлением длинной, холодной зимы в каждом доме после того, как заканчивались сумеречные хлопоты по уходу за скотиной, хозяйки долгими вечерами садились за прядильные станки, которые в Василёвке назывались «самопрялками» или «самопрядками». Нехитрый механизм, который через простейшее кривошипно-шатунное приспособление левой ногой

прядильщицы вращал большой обод диаметром 70-80 см, и через ремень приводил во вращение цевкодержатель, на оборотах 100-120 в минуту происходило скручивание льняного или иного волокна в нити. Потом с помощью другого простейшего станка «сукала» нити перематывались на цевки для утока и в большие клубки-бобины для основы ткани. Прядение занимало три-четыре месяца, каждый день, кроме воскресенья и больших религиозных праздников, по три-четыре часа. Когда пряжи было заготовлено достаточно, на 6-8-10 холстов (это определяла хозяйка, исходя из потребности семьи), начинался очень сложный процесс «снования» - изготовления основы. Этим искусством в Василёвке владели не все – только самые опытные и умные хозяйки: здесь требовался «хитрый счет» нитей основы. После «заваривания» - процесса отбеливания и упрочнения основы - в доме ставился ткацкий станок – «кросны». Он занимал 6-8 квадратных метров, полкомнаты. Ткачество продолжалось 6-8 недель, как правило, это делалось на протяжении всего Великого поста. Качество холста зависело не только от качества волокна и качества пряжи, но и от искусства, опыта хозяйки-ткачихи.

Молодые девушки вечерами, пока их матери ткали холсты, плели кружева, вышивали, вязали. Они собирались группами, стайками по 4-5, иногда более, человек и, сопровождали работу тихим задушевым пением старинных русских или религиозных песен, или рассказами всяческих историй.

До революции жизнь в Василёвке протекала размеренно, неспешно, по десятилетиями заведенному порядку, в крестьянском нелегком труде и заботах, сдобриваемая нечастыми праздничными днями, да какими-то значимыми по местным понятиям событиями; кто-то женился, у кого-то родился сын, кого-то забрали в рекруты, у кого-то пала лошадь или случилось что-то другое, что служило основанием для разговоров и пересудов в течение определенного времени.

О второй жене Никиты Корнеева (Малеева Никиты Корнеевича) - Анне Пызиной, которую он неожиданно для всех привез из Гнилуши, где с неделю навещал свою овдовевшую тетку Алену, сестру отца Корнея Ивановича, разговоров удивленных и осуждающих было много и надолго в каждой василёвской семье.

Анна была молода, красива и необычайно хороша собой во всех отношениях. Не по-крестьянски изящная фигура, негромкий приятный, чуть грудной голос, небольшая обрамленная копной густых русых волос головка и большие голубые, как бы удивленные, глаза делали ее очень привлекательной.

У пожилых женщин Анна вызвала доброе любопытство, у молодых деревенских красавиц – зависть, и как следствие, необъяснимое интуитивное неприязненное отношение. Мужчины с нескрываемым повышенным интересом разглядывали красивую дивчину.

Она была почти на пятнадцать лет моложе мужа, но рядом с молодой женой высокий, крепкий, приятный лицом, хорошего сложения, Никита смотрелся очень даже привлекательно. Казалось, он был счастлив...

Почти два года назад у Никиты случилось большое несчастье – от грудной жабы внезапно скончалась его жена Катя, которую он очень любил, с которой он прожил почти восемь лет, и от которой у него остались семилетняя дочь Настя и пятилетний сын Ваня, которых теперь воспитывала бабушка Пелагея.

Никита был самым младшим сыном в семье добропорядочного и уважаемого в деревне Корнея Ивановича Малеева. Когда ему исполнилось семнадцать лет, он был рекрутирован в солдаты, участвовал в Крымской войне, был ранен, получил Георгия, и в тот же год, после возвращения со службы, женился на хорошей красивой девушке из состоятельной семьи, родители которой жили в Красновичах.

Ему быстро построили просторный дом в центре Василёвки, на усадьбе Корнея Ивановича, недалеко от дома родителя. Все шло замечательно, семья Никиты была во всех отношениях примерной. У него появилось две лошади: рабочая и выездная, три коровы, несколько свиней и еще уйма разной другой живности. Через год после свадьбы родилась Настя, а два года спустя Ванька.

Катюша, как называл ее Никита, никогда не жаловалась на здоровье – и вот случилось такое внезапное горе-горькое. Беда всегда приходит неожиданно, по-предательски, исподтишка.

После смерти Кати Никита горевал до невысказанности, до самоизнурения, чуть не до потери рассудка. Прошел год, пошел второй, он осунулся, почернел, стал угрюм и молчалив. Василёвских девушек, любая из которых готова была выйти за него замуж, он просто не замечал.

Отец Корней Иванович и матушка Пелагея Игнатьевна неоднократно намекали ему: дескать, пора бы и хозяйку в дом привести. Никита в ответ только молчал. Он часто горячо и нежно ласкал своих сироток Настюшку и Ваньку. Он все никак не мог смириться со смертью Катюши.

Но время лечит, а жизнь берет свое...

По прошествии некоторого времени, после того, как в доме появилась Анна, Никита стал замечать, что хозяйка она не очень деловая. Все она делала как-то не так, не основательно, несерьезно; казалась какой-то слегка легкомысленной. Он часто невольно мысленно сравнивал ее с Катей и с огорчением отмечал, что сравнение было не в пользу Анны.

Не прошло и года, как у них родилась дочь, которую назвали Ефросиньей (Просей), еще через год сын Сергей. С согласия Никиты она привезла в дом из Гнилуши свою старшую кривоглазую, и потому видно незамужнюю, сестру и тетку, якобы для помощи по хозяйству. Помогали они не очень, зато любили хорошо и вкусно поесть, не прочь были при случае и выпить. Никите, который отличался трудолюбием, бережливостью и трезвостью, все это не очень нравилось.

Прошло более двух лет после второй женитьбы Никиты. Анна была в очередной раз беременна.

Как-то раз Никиту пригласил двоюродный брат Петрок помочь забить кабана, было это незадолго до Рождества. Замешкались надолго, сначала обжигая соломой громадную тушу животного, потом двое здоровых мужиков еле-еле с трудом затащили ее в сени для дальнейшей разделки.

Освободились вечером, когда уже в домах зажигались керосиновые лампы. Жена Петрока Авдотья нажарила большую сковородку свежатины: печенки, бекона и шейки. Хозяин выставил на

стол четверть самогона. Петрок, так же как и Никита, не шибко увлекался питьем, но традиции соблюдать надо. Выпили, закусили; еще выпили, поели, покурили. Помолчали. Никита из всех своих многочисленных двоюродных братьев больше всех любил и уважал Петрока и Мирона; Петрока особенно. У них было много общего. Ровесники. Трудяги. Молчуны. Наклонясь, заплывывая окурок, Петрок вдруг сказал:

- Знаешь, Никита, не хотел тебе говорить... не прими в обиду... но должен тебе, как брату... понимаешь, разговоры тут разные идут о твоей Анне..., – он запнулся, помолчал, – деревенские женщины ее не любят – это можно понять, да и любить ее не за что, она больше заботится о себе и своей внешности, чем о детях и хозяйстве. Неделовая она...

Он опять помолчал, молчал и Никита, но чувствовалось, как он весь напрягся:

- Ты повнимательней присмотри за ней. Мужики тут посмеиваются... Ну, сам знаешь о чем. Змитрок о чем-то там хвастался... насчет Анны.

- Хватит, Петя, не повторяй деревенских сплетен, – вдруг резко сказал Никита, – Со своей бабой я сам разберусь.

Буквально года не прошло после того, как Анна появилась в доме, Никита стал замечать, что она как-то стала плотоядно поглядывать на молодых деревенских мужиков. Ей было только семнадцать, Никите шел тридцать третий год. Но он был крепок как никогда во всех отношениях, в том числе и по мужской части.

С первых дней интимной близости с Анной Никита почувствовал у своей молодой жены, как ему показалось, повышенные сексуальные потребности. Первое время его это радовало и забавляло.

Он ни разу не уступал ей. Ему казалось, что он в постели удовлетворял ее по потребности. Чего не хватало его молодой жене?

Время шло, но той горячей, нежной, душевной близости, какая у него была с Катей, с Анной не появлялось. Как будто между ними существовала какая-то невидимая психологическая стена. Он не следил за ней, как советовал ему Петрок, считал это ниже своего достоинства, но он чувствовал, догадывался, что Анна ему неверна. Но что он мог поделать? Он рассчитывал, что это пройдет, что когда появится много детей, все станет на свои места, Анне будет не до любовников. Но детьми занимались, в основном, сестра Анны - кривая Галя и тетка Марфа.

В мае 1903-го года у Никиты с Анной родился сын, которого окрестили Егором, в 1904-ом – сын Стефан, в 1905-ом – сын Николай, в 1906-ом – сын Федор, в 1907-ом – сын Савва. Анна рожала каждый год, она была плодовита, как крольчиха. С каждым новыми родами она все больше охладевала к Никите, как бы отдалялась от него.

Дети от Кати продолжали жить у бабушки Пелагеи. Когда родился Савва, Ивану исполнилось пятнадцать лет, а Насте – семнадцать.

В 1906-ом году умер отец Никиты - Корней Иванович. Никита тяжело переживал смерть отца, которого он искренне любил, которому в жизни был обязан многим, в том числе и самой жизнью.

После смерти отца он много времени проводил у матери, стараясь во всем поддержать и помочь ей. Пелагея Игнатьевна почти непрерывно тихо плакала, она враз заметно постарела, сгорбилась, сникла. Ей было семьдесят пять лет. Много времени он уделял детям. Иван закончил в Красновицах церковно-приходскую школу и уже как взрослый работал в хозяйстве бабушки, а

Настя училась в Клинцах в женской гимназии. Но она часто, не реже одного раза в месяц навещала бабушку Пелагею.

Как-то для себя незаметно Никита стал выпивать, особенно после кончины родителя. Обладая от природы богатырским здоровьем, он мог выпить много и не опьянеть. Стала появляться еще малозаметная потребность в выпивке. Но с каждым годом тяга к самогону и Смирновской становилась все сильнее. Анне это очень не нравилось. Она стала устраивать Никите скандалы, истерики. Они либо по несколько дней не разговаривали, либо молчанка нарушалась бурными ссорами.

Примерно за год до рождения Саввы в Василёвке вдруг появился приказчик какого-то клинцовского купца, который закупал у селян яйца, сало, коровье масло, кур, мясо, зерно и овощи. Он был молод, привлекателен, одет по-господски, умел по городскому красиво говорить. Анна обратила внимание на молодого человека, которого звали Андрей.

Андрей заинтересованно поглядывал на Анну. После семи родов она стала еще красивее, чем в девичество. При оформлении закупок он, в отсутствие Никиты, дольше, чем обычно, задерживался в его доме. В те годы, за несколько лет до Первой Мировой войны, статистика была не в пользу мужчин. На десять мужчин приходилось восемь с половиной женщин. Поэтому за женские сердца среди молодых мужчин существовала жесточайшая конкуренция.

Василёвцы обратили внимание на неординарные отношения приказчика-заготовителя и жены Никиты, посмеивались, судачили, жалели Никиту. За одиннадцать лет, которые Анна прожила в Василёвке, о ней сложилась худая слава, женщины общались с ней мало, только при крайней нужде, тайком приглядывали за своими мужьями, которых как магнитом тянуло к жене Никиты.

Никита перестал на это обращать внимание, как и на то, что к нему чаще, чем к другим, стал заезжать приказчик Андрей. За глаза василёвские бабы Анну называли не иначе, как «пызой», по девичьей ее фамилии Пызина.

Однажды, это было на Духов день, Савве едва исполнилось восемь месяцев, возвратившийся домой от Мирона, где Никита обедал и крепко выпил, он, к удивлению, хоть и был пьян, не застал дома Анны. Оглядел все закоулки дома, но кроме Марфы и Гали, да оравы орущих детей, никого не обнаружил и улегся спать.

Утром, по обыкновению проснувшись с первыми криками деревенских петухов, он, к своему величайшему изумлению, не обнаружил в постели Анны. Она всегда вставала после мужа. Может, вышла по надобности? Он разбудил тетку Марфу:

-Где Анна?

Спросонья, перепуганная, трясущаяся тетка, заикаясь, рассказала, что она еще вчера днем уехала с приказчиком в Клинцы. Никиту осенила страшная догадка. Он все понял. Но так, скорее для формы, тихо спросил:

- Зачем? Зачем она уехала? Как она могла бросить детей? Как?

Не ожидая ответа, он заглянул в шкаф, в сундук, где в большой жестяной коробке лежали все их сбережения – ни одежды Анны, ни денег на месте не было. Никита сел, обхватил голову обеими руками и вдруг заплакал. Дети и сестра Анны кривая Галя крепко спали...

С того дня Никита запил по-черному, каждый день, не просыхая. Он забросил все дела, залез по уши в долги. За два года беспробудного пьянства он продал лошадей, двух коров, весь свой земельный надел, кроме сада, где стоял его дом. Напрасно Петрок и Мирон пытались его

образумить, вывести из запоя – привозили из Краснович и Робчика знахарей, поили святой водой, - ничего не помогало. Он опустил, зарос, не брился, не мылся, даже родные дети старались от него спрятаться. Такого в Василёвке никогда не случилось.

Никита умер от инфаркта в красивый солнечный день 17 мая 1910-го года, оставив в этом мире девять сирот, младшему из которых не исполнилось и трех лет.

Об Анне в Василёвке больше никто никогда не слышал. Она исчезла навсегда. Тетка Марфа и кривая Галя уехали в Гнилушу. Семерых маленьких детей Анны-Пызы, которых теперь стали называть «пызаками», приютили в свои семьи родственники Никиты...

По-разному сложилась судьба детей Никиты, но на всех них наложило отпечаток бурное, полное драматизма, беспокойное время первой половины XX века.

8.

Когда началась первая мировая война, почти из каждой василёвской семьи молодые мужчины призывного возраста были мобилизованы в действующую армию. По какому-то счастливому, таинственному стечению обстоятельств, погибших воинов среди василёвцев не было. В марте 1917 года стали возвращаться по одному, по двое фронтовики – от них и стало известно, что в России больше нет царя. «Скинули царя, нет больше царя в России!», – говорили

друг другу сельчане, и тут же в растерянности разводили руками: «Да как же России без царя, да разве же это возможно? А кто же нас теперь защищать будет, хотя бы от того же германца или австрийца?» «Как же без царя-батюшки жить-то будем?» – горевали мужики, и в особенности бабы. Так несколько месяцев бурлили разговоры и думы в мужицких головах, потом пошли слухи, что объявился новый царь «Керенский», а погода стало вдруг известно, что и Керенского скинули, и что царем будет теперь некто Ленин.

Поздней осенью возвратился с фронта Трофим Малеев, пользовавшийся еще до войны уважением и репутацией умного и правильного человека, который рассказал, что в России произошла социалистическая революция, и что царя теперь больше никогда не будет, что править страной теперь будет сам народ. Много еще чего рассказывал Трофим: и о мире с германцем, и о земле, и о заводах, - во всех этих вопросах он был хорошо осведомлен. Но земляки его понимали с трудом, и все рассказанное воспринимали с недоверием. Немного погодя в Клинцах появились немцы, которых там никогда не видывали – оказалось, что рядом с Василёвкой проходит новая граница Германской империи.

Летом 1918-го в Василёвке появился небольшой конный отряд, бойцы которого называли себя щорсовцами. Они силой забирали у крестьян продовольствие: хлеб, сало, пшено, масло; взяли несколько лучших лошадей и мобилизовали пять человек бывших фронтовиков, в числе которых был и Трофим, в рабоче-крестьянскую Красную армию.

После этого все вновь поуспокоилось, хотя каждый день кто-нибудь привозил из Унечи или Клинцов какие-либо тревожные новости. Василёвка стояла в стороне от больших шляхов,

отделенная от уездных и волостных центров бездорожьем, и это ее делало менее уязвимой от воздействия разных властей, армий и отрядов.

Шло время. Через два года возвратились вместе с Трофимом мужики, уведенные щорсовцами, которые сообщили, что все войны закончились, что теперь в России установилась Советская власть, которая стоит за бедных.

Потом пришла новая тревожная весть, что умер Ленин, но поскольку Ленина в Василёвке никто не знал – об этом долго не горевали.

Через три года председатель василёвского комбеда, которым еще в 1920-ом был назначен Трофим Малеев, сообщил, что решением Красновичского волостного Совета крестьянских депутатов в течение 1925-1926-го годов в Василёвку должны быть переселены все близлежащие хутора: Ермаковка, Москалёвка, Харитонов, Лагутин, Мишин, Ульянов и Жуков; - все, кроме небольшой (восемнадцать дворов) деревушки Сапичёвки, расположенной в полутора километрах на запад от Василёвки. Это вызвало всеобщее недоумение и тревогу, особенно хозяев хуторов: «Зачем, по какому праву? Чья эта дурацкая затея?» «А где, на чьих землях селить пришельцев?», - задавали тревожные вопросы василёвцы, все еще надеясь, что это просто очередной слух и все само собой уляжется, и никто не торопился исполнять это решение волосткома. Но когда в конце 1928-го года вдруг появились конные комиссары и арестовали владельцев хуторов – все поняли, что советская власть не шутит. Чужаков расселили в основном на северной окраине деревни на общественных землях. С этого времени в Василёвке появились новые фамилии: Конопелько, Юрченко, Почечуевы, Человские, Бородуля, Болотвины и др..

Потом, некоторое время спустя, пошли настойчивые разговоры о создании колхозов. Еще толком никто не понимал, что это за «фрукт» и зачем, кому это нужно, но тревога нарастала. Несколько наиболее авторитетных крестьян пошли к Трофиму с просьбой собрать селян и объяснить толком, что такое колхоз, зачем и кому он нужен, и нельзя ли сделать так, чтобы в Василёвке его не было.

У дома Петрока, где была довольно большая свободная площадка, собралось практически все население Василёвки, включая детей, которые пришли вместе с родителями.

Трофим долго, спокойно, терпеливо, в уважительной форме разъяснял землякам, что теперь, по решению советской власти, все земельные наделы будут объединены, и что их будут совместно обрабатывать, что будут созданы коллективные молочные фермы, что будут обобществлены также лошади, сельхозинвентарь, что скоро в деревне появятся трактора, сеялки, автомобили и электричество. Трофима долго слушали в напряженной тишине, стараясь уловить каждое слово, даже грудные дети перестали плакать; потом стали задавать вопросы, сначала как бы робея, хотя вокруг были все свои родные, потом эта тишина и кажущаяся робость сменились градом вопросов, которые задавали, перебивая один другого, долго, повторяясь, путаясь; на все простые и сложные, и самому непонятные вопросы, Трофим старался отвечать обстоятельно, не теряя терпения, но вопросов и непонятностей меньше не становилось.

Больше пяти часов слушали и говорили мужики, бабы больше молчали, но чем дольше говорил, отвечал, убеждал, разъяснял охрипший Трофим, тем больше вопросов возникало у василёвцев. Расходились неохотно, не спеша, неудовлетворенные, возбужденные и взбудораженные.

Через два дня Трофим поехал в Унечу в райком партии. Его как старого знакомого приветливо встретил первый секретарь РК ВКП(б) Матвей Малкин, с которым они были знакомы по совместной службе в отряде Николая Щорса, где Матвей был комиссаром. Трофим подробно рассказал о прошедшей сходке крестьян, о том, что их больше всего волнует, и высказал ряд предложений.

Во-первых, он попросил освободить арестованных хозяев хуторов, «так как они никакими кулаками не являлись, супротив советской власти не выступали, они – нормальные труженики – крестьяне, умеющие правильно организовать и вести хуторское хозяйство». Малкин обещал подумать.

Во-вторых, Трофим предложил пока не обобществлять лошадей, коров и прочий скот, а также пока и сельхозинвентарь, а сначала построить коллективные конюшни по науке, коровники, свинарники, птичники, на это потребуется года два, а потом и объединять скот; нужно было также построить общественные амбары, иначе негде хранить колхозное зерно.

Малкин внимательно слушал Трофима, потом сказал:

- Так, колхоз в Василёвке мы планируем создавать через год, в 1929-ом, вот за этот год и организуй постройку всего того, что ты тут наговорил. Большого срока я дать тебе не могу. Пойми, с меня сверху тоже идет жесткий спрос. Не возражай! Кстати, подумай, как назвать колхоз, а председателем мы будем рекомендовать тебя. Если ты, конечно, к тому времени не испортишься. Все понял? Иди, действуй.

Год прошел как один день, очень быстро и почти незаметно. Из намеченного строительства было сделано много, но не все, что было запланировано. Люди не хотели работать на общественных работах даром. Малкин остался недоволен, о чем высказал Трофиму.

21 января 1929-го года, в день пятой годовщины памяти В.И.Ленина в Василёвке состоялось собрание по организации колхоза. Оно было долгим и бурным. Колхоз по предложению присутствующего на собрании Малкина назвали именем И.В.Сталина. Председателем колхоза единогласно был избран Трофим Иванович Малеев, счетоводом Малеев Федор Тимофеевич. На собрании было также принято решение с 15 мая сдать в колхозную конюшню всех лошадей и часть коров. У кого была только одна корова, решили оставить в частном владении, но взамен хозяин должен сдать в колхозное стадо полуторагодовалую телку (о чем людей предупреждали год назад, в начале 1928-го года). Свиной и овец решили обобществить после завершения строительства свинарни и кошары, а это ожидалось не раньше середины лета.

Все эти решения с большой неохотой были приняты на собрании по предложению нового председателя, при категорическом возражении Малкина, который несколько раз выступал и настаивал на полном обобществлении коров.

- В частной собственности коров быть не должно, - настаивал секретарь райкома.

- А детей чем кормить, если в доме не будет коровы? - кричали женщины.

- Молоко для детей и стариков будет выдавать колхоз, - нервничал Малкин.

Видя, что дело заходит в тупик, и чтобы не уронить авторитет секретаря райкома, Трофим встал и сказал: «Товарищи, конечно, товарищ Малкин прав, надо всех коров сдать в колхоз. Но в этом году коровник, строительство которого мы скоро завершаем, может вместить не более пятидесяти коров, а если сдать всех, будет более ста, поэтому, Матвей Иосифович» – обратился он к секретарю – «разрешите нам пока часть коров оставить у селян, построим еще один коровник и потом еще раз обсудим этот вопрос».

Собрание единогласно поддержало Трофима.

Умный, внимательный, добрый, Трофим в то же время обладал твердым характером. Он принадлежал к тому племени романтиков-большевиков, которые ради торжества общего дела готовы пожертвовать жизнью и отдать последнюю рубашку. Он очень ответственно относился к доверию своих земляков.

Сам хороший хозяин – мастер золотые руки, который обладал и незаурядными организаторскими способностями, он в короткий срок стал уважаемым руководителем. В дни жаркой – в буквальном и переносном смысле – летней страды, он, как Шолоховский Давыдов, как любой другой рядовой колхозник пахал, косил, убирал и молотил хлеб.

Первые годы колхозничества были очень трудными, каждому нужно было переделать свою частнособственническую психологию, настроиться на коллективное взаимодействие, научиться работать на общее благо. Положение усугубилось неурожаями тридцать второго – тридцать третьего годов. Голодали, мучались, ели мякину, лебеду, но выжили. В Василёвке от голода никто не умер.

Постепенно василёвцы смирились с колхозом, научились продуктивно трудиться в коллективе – жизнь стала налаживаться. Появились обширные животноводческие постройки для общественного скота: две конюшни, два коровника, овчарня, птицеферма, свинарник, большая пасека; на общественных лугах паслись большие стада лошадей, овец, коров. В тридцать четвертом на окраине Василёвки, в одном из живописных мест, появилась начальная школа; в тридцать седьмом – сельмаг, клуб и детский сад-ясли. Все постройки были деревянными, но добротными, капитальными. По итогам работы в 1938-ом, 1939-ом, 1940-ом годах колхозники каждый год

получали щедрое вознаграждение: зерно ржи, пшеницы, гречихи, мед, а осенью выдавались мясо, конопляное масло и деньги. Люди радовались. Народ был доволен. Коллективный труд начал давать хорошие результаты.

Успехи колхоза люди отождествляли с именем своего председателя Трофима Малеева. В начале сорок первого у Трофима случился сердечный приступ, и он скоропостижно умер. Василёвцы искренне и долго горевали. По прошествии многих лет, уже в тяжелые послевоенные годы, люди часто вспоминали своего первого председателя колхоза...

В последние годы недоброжелатели и явные враги Советского строя хором, наперебой утверждают, что коллективизация погубила российское село. Это откровенная неправда. Именно коллективизация деревни обеспечила стране индустриализацию и в значительной мере победу Советского народа в Великой Отечественной войне.

Глава II

*...Они ушли на фронт и не вернулись...
Над ними время вечности сомкнулось,
Над ними плачет вешняя вода.
Над ними, над немymi, над родными
В туманном небе, в предрассветном дыме
Горит, не гаснет алая звезда...*

Р. Казакова

1.

Тысячелетняя история человеческой цивилизации неразрывно связана с войнами. Все процветающие могучие государства и в далекой древности, и в средние века, и в новейшей истории своё благополучие обеспечивали за счет других стран и народов, которые покоряли, в основном, военным путем.

В учебниках истории и в художественной литературе правители-завоеватели и их полководцы изображаются как выдающиеся государственные деятели, как военные гении.

А сколько человеческого горя и загубленных жизней на совести этих выдающихся полководцев, мы часто просто не задумываемся. Есть исторический факт – победа, а победителей не судят. Из всех войн можно оправдать только одну – войну за независимость своей Родины. Такая война священна.

Клинцы, Унеча, Стародуб, старинные русские города, между которыми в глубинах лесов и болот затерялась маленькая Василёвка, находились на землях, где веками сталкивались приграничные интересы русского государства и Польско-Литовского княжества, которые нередко вызвали конфликты, переходящие в долголетние вялотекущие военные действия. Из поколения в поколение здесь передавались жуткие рассказы о свирепых варягах, о диких монголах, о жестоких поляках, о страшных набегах крымских татар.

У людей, проживающих веками на этих территориях, страх перед захватчиками закладывался в генетическую память, поэтому там народ всегда жил как бы в ожидании войны. Всегда, где бы ни сходились на перекур несколько деревенских мужиков, после разговоров о погоде и видах на урожай затевались длинные беседы, часто переходящие в жаркие споры на тему о возможной войне: «Пойдет на нас Германия или Японец, или не пойдет? И когда это может случиться?»

Мужики, еще хорошо помнившие и Цусиму, и Порт Артур, и первую мировую, не исключали, что Германия может вновь развязать войну с Советским Союзом. Не только мужчины, но их жены еще в большей мере, еще горячее обсуждали военную тему со страхом и трепетом, как заклинание,

к месту и не к месту, произнося: «Господи, только бы не было войны». Для них любая война была страшней, чем для их мужей.

Только женщины знают, что значит проводить на фронт мужа, да еще, возможно, и взрослого сына, взвалить на свои плечи все домашние заботы и работы, а самое страшное – день и ночь ждать в страхе, ждать в надежде, просто ждать, изнемогая в мысленных страданиях: «Господи, только бы с ним ничего не случилось. Господи, только бы вернулся живой». Говорят, среди женщин много экстрасенсов, они способны предчувствовать события, особенно страшные, каковыми может быть только война и смерть близких. Как бы там ни было, но василёвские мужики и бабы войну с Германией предсказывали с большей определенностью, чем Генштаб РККА. Но пришла она, как и все несчастья, неожиданно.

Часов в 10 утра, в воскресенье, 22 июня 1941-го года, в Василёвку на вспотевшей лошади прискакал красноармеец из Унечского военкомата, который вручил большой синий пакет, запечатанный сургучной печатью, председателю колхоза, а на словах возбужденным осипшим голосом сказал мужикам, стоявшим возле колхозной канцелярии: «Сегодня ночью на нас напала Германия. Началась война!» С тем он развернулся и поспешно ускакал назад.

Через полчаса вся деревня знала о страшной беде, надвигающейся на Россию. Сразу как-то все напряглись, помрачнели, смолкли смех и разговоры. Мужчины собирались группами, чаще обычного курили и больше молчали, некоторые женщины, как бы предчувствуя предстоящую разлуку, потихонечку про себя плакали. Деревенские ребяташки с каким-то недетским испугом наблюдали за взрослыми.

В начале июля в Василёвку нарочным были доставлены повестки о призыве в Красную Армию сорока двух мужчин. Вот список тех василёвских мужчин, кто ушел на фронт 9 июля 1941-го года (воспроизводится по памяти):

1. Малеев Иван Петрович (отец)
2. Малеев Иван Иванович (сын)
3. Малеев Трофим Петрович
4. Малеев Агей Миронович (отец)
5. Малеев Иван Агеевич (Сын)
6. Малеев Марк Миронович
7. Братья: Малеев Павел Миронович
8. Малеев Потап Миронович
9. Братья: Малеев Антон Евдокимович
10. Малеев Василий Евдокимович
11. Малеев Федор Никитович
12. Малеев Сергей Никитович (отец)
13. Малеев Василий Сергеевич (сын)
14. Братья: Малеев Михаил Давыдович
15. Малеев Иван Давыдович
16. Малеев Мартын Давыдович
17. Малеев Федор Владимирович
18. Малеев Владимир Федорович

19. Малеев Петр Иванович
20. Малеев Андрей Кириллович
21. Братья: Малеев Иван Дмитриевич
22. Малеев Яков Дмитриевич
23. Малеев Николай Иванович
24. Малеев Василий Трофимович
25. Малеев Павел Трофимович (отец)
26. Малеев Иван Павлович (сын)
27. Мищенко Федос Васильевич
28. Болотвин Егор Игнатьевич
29. Братья: Бородуля Степан Харитонович
30. Бородуля Василий Харионович
31. Геращенко Владимир Петрович
32. Лагутин Яков
33. Конопелько Григорий Яковлевич
34. Жуков Иван Дмитриевич
35. Почечуев Семен Петрович
36. Почечуев Кирилл Петрович
37. Почечуев Петр Кириллович
38. Толкачев Иван Сидорович
39. Человский Константин
40. Слуцкий Егор Пантелеймонович

41. Малеев Иван Евгеньевич

42. Малеев Иван Миронович

Такой массовой мобилизации мужчин на фронт в истории Василёвки еще никогда не было. Для жителей этой небольшой русской деревни это было большое, ни с чем не сравнимое горе. Все были в страшной растерянности, подавленности и печали. Женщины и девушки плакали про себя, потихоньку и вслух, а за ними – маленькие дети. Многие мужчины собирались в дальнюю очень опасную неизвестность, навстречу может быть собственной смерти, со слезами на глазах, которые пытались скрыть от посторонних.

Накануне вечером, перед отправкой, в каждом доме было организовано прощальное застолье. Пили, в основном, «русскую», но пили неохотно и мало, а кто пил много – не пьянел. Обычного веселья, которым всегда сопровождалась ужины с выпивкой, не было. Женщины плакали уже в открытую громко; не скрывали слез и мужчины. И только возле клуба играла гармошка, где, стараясь казаться нарочито веселыми, танцевали молодые, слегка пьяные, парни со своими невестами, призываемые в Красную Армию, на фронт.

Утром 10-го июля, когда на часах было еще только восемь, десять подвод, запряженных лучшими колхозными лошадьми, сопровождаемые всей деревней от «мала» до «стара», отправились в Унечу на сборный пункт. Эта громадная процессия двигалась за речку, до Гутняцкого леса, где остановилась – начались последние прощания с обниманиями, поцелуями и плачем. Далее вместе с мужчинами уехали только их жены и невесты; все остальные земляки стояли на краю леса в тишине, словно понимая, что со многими из ушедших на войну им уже никогда больше в этой жизни встретиться не суждено...

Тремя днями раньше до описываемых событий из района пришло распоряжение часть скота (коров, овец, свиней) отправить на Унечский убойный пункт, а остальную большую половину коров и лошадей перегнать своим ходом и, как можно скорее, в направлении Орла. Это крайне трудное и неприятное дело было поручено Егору Малееву, Егору Слуцкому, Митрофану Почечуеву и Ефиму Мытницкому. Скотогонам выдали винтовки, патроны, деньги из колхозной кассы, лошадей под седлами; дома каждый запасся сухарями, хлебом, салом, домашним сыром, яйцами, солью, табаком и прочими припасами. Путь предстоял по лесам, болотам, трудный и долгий. В районной бумаге рекомендовалось гнать скот, минуя дороги, села и деревни.

Теперь из взрослых мужчин в деревне остались старики: Игнат, Евдоким, Давыд, Петрок, Мирон, Змитрок, Кургуз и Иван (Никитич), да Малеев Стефан (Никитич), страдающий сильной близорукостью, да мельник Аким Иванович, которому было в то время 53 года. Подростков 1926-1928-го годов рождения в Василёвке почему-то было немного: Малеев Иван (сын председателя Трофима), Мишка Горбатый, Шура Малеев (Александр Фёдорович Малеев), Александр Мищенко (Лёся), Вася Юрченко, брат Васи - Иван Юрченко, Дмитрий Малеев (брат Петра Слуцкого), Иван Кургуз, Василь Акимов и Мишка Егоров (Малеев Михаил Егорович).

Парни как-то вдруг заметно повзрослели, посерьезнели, словно почувствовали, что они теперь главные представители мужского пола в деревне. Каждому из них, прощаясь, отцы говорили примерно такие слова: «Дорогой сынок, ты теперь остаешься главным мужчиной в семье, береги и помогай маме, я на тебя очень надеюсь. Не скучай, я обязательно вернусь. Прощай».

На несколько дней Василёвка затихла, словно погрузилась в летаргический сон, ни песен, ни смеха, ни громких разговоров не было слышно в осиротевшей деревне. С середины июля по ночам

немецкие самолеты стали совершать массированные налеты на Унечу. Унеча была крупным железнодорожным узлом. Здесь сходились железнодорожные пути, ведущие на север – в Москву; на юг – в Сумы и Харьков; на запад – в Гомель и Брест и на северо-запад – в Оршу и Витебск; и этот узел представлял для немецкого командования стратегический интерес. С каждой ночью интенсивность и продолжительность бомбежек нарастала. Из Василёвки хорошо были видны зарева пожаров в городе, шарящие в темном небе лучи прожекторов и разрывы зенитных снарядов. Работали наши зенитчики.

2.

Жизнь в деревне помалу, насколько это было возможно, без главной рабочей силы – ушедших на фронт мужчин – входила в обычное русло. Женщины, парни и девушки, косили и убирали сено, доили коров, жали рожь и пшеницу, и делали все это с большим рвением и тщательностью, чем обычно. Урожай в том году был необычайно богатый.

В начале августа, примерно в середине дня, по главной василёвской улице проехало несколько полуторок, покрытых брезентовыми тентами, в которых сидели красноармейцы, затем через некоторое время в деревню вошла нескончаемая колонна пеших бойцов. Усталые, с посеревшими осунувшимися лицами, в запыленных выцветших пилотках, со скатками шинелей на правом боку и винтовками на левом, с вещмешками за плечами, с патронташами, котелками и противогАЗами за

поясом, они шли и шли; шли ровным маршевым шагом и, не было конца этой колонне в течение долгих дней и ночей.

Отступала или выходила из окружения какая-то крупная армейская группировка. Командованием правильно был выбран маршрут – василёвские дороги на многие километры в любую сторону от деревни скрывались в тени густых деревьев, и с воздуха было трудно разглядеть этудвигающуюся солдатскую массу.

Некоторые бойцы по разрешению командиров останавливались у деревенских колодцев, у которых были выставлены часовые для предотвращения возможного отравления немецкими диверсантами, жадно пили воду прямо из колодезных бадеек, умывались, обливались, мочили гимнастерки (августовские дни в тот год были очень жаркими), заполняли водой фляги и всевозможные канистры. По обе стороны улицы, словно принимая парад, выстроилась вся деревня: старики, старухи, молодые женщины, парни, девушки, дети. Все они что-то держали в руках и предлагали бойцам: холодное молоко в кувшинах, яблоки, груши, сливы, яйца, мед, хлеб, огурцы и другую всякую деревенскую всячину. Красноармейцы с благодарностью принимали дары, с удовольствием пили молоко и шли дальше.

- Сынки, надолго же вы нас покидаете? Когда же нам ждать вас назад? - спрашивали женщины, что постарше и посмелее, и слышали в ответ:

- Мамаша, мы скоро вернемся, очень скоро. Только вы ждите нас.

Глядя на эти уставшие, запыленные, грустные лица, полные какой-то серьезной сосредоточенности, женщины, проводившие месяц назад на войну своих мужей и сыновей, в

открытую плакали. И что интересно и не менее странно, за все эти дни над отступающей колонной ни разу не появилось ни одного немецкого самолета. Святая василёвская земля!

К концу августа колонна иссякла, потом прошло несколько танков Т-34, а вечерами в деревне стали появляться группы красноармейцев по 5-10 человек, с оружием и без. Они останавливались в какой-либо крайней хате, просились переночевать, отказа никогда не было. Хозяйка, как правило, варила большой чугунок картошки, на стол выставлялись огурцы, простокваша, молоко, хлеб. Переночевав, уставшие они засыпали буквально на ходу – где кому удалось приткнуться, рано утром попив парного, уже припасенного хозяйкой молока с хлебом, они благодарили за приют и быстро уходили на восток, в Гутняцкий лес...

...Примерно за год до описываемых событий в Василёвке произошла драка между двумя мужиками: Колей «Пызаком» (так дразнили в деревне одного из младших сыновей Никиты Корнеевича Малеева) и Кузьмой, которого большинство селян не любили и за глаза часто называли просто «жабой». Это был очень мутный вредный мужик, с большими, широко расставленными, на выкате глазами, с каким-то неестественным сплюснутым лицом, которому широкий рот и очень тонкая нижняя челюсть придавали вид какого-то земноводного гада. Деревенские сплетники поговаривали, что Кузьма - затаившийся белый офицер, а некоторые наоборот утверждали, что он тайный осведомитель ОГПУ – «стукач». Многие селяне не знали его фамилию: Кузьма и Кузьма, или просто «жаба». Он появился в деревне году в 1918-ом, считался каким-то родственником Кургуса и сразу прославился в качестве участника скандальной истории.

Недалеко от Василёвки кто-то из селян гнал самогонку... Для тех, кто не знаком с технологией самогонварения, сделаю краткий «ликбез». Большой бак, или как его называли в Василёвке «куб», в который заливалось перебродившая брага, емкостью до 150 литров, устанавливался на невысокий временный постамент, под которым разводился открытый огонь сухими дровами, доводя до кипения спиртоносную массу. Пары спирта, проходя через охлаждаемый змеевик, превращались в самогонку. После того, как в браге спирта совсем не оставалось, ее сливали в большую яму, выкопанную рядом с «кубом» (с очагом). После охлаждения ее с удовольствием поедали свиньи.

По какому-то роковому стечению обстоятельств в месте, где варился самогон, оказался Кузьма, тогда еще довольно молодой человек. В яму только что сливали отработанную брагу. Рядом в кустах играли в прятки ребяташки, среди которых был самый младший сын Никиты Корнеевича - Савка, которому шел одиннадцатый год. Он вышел из кустов и остановился у ямы, наблюдая, как вместе с густым паром из бака выливается густая серая, крепко пахнущая самогоном масса. И вдруг стоящий рядом Кузьма то ли «по дури», то ли забавы ради, то ли по какой-то другой, одному ему известной причине, сапогом в спину резко толкает Савку в кипящую яму. Над окрестностями раздался непередаваемый дикий, животный, леденящий душу детский вопль – крик, всего не более пяти секунд. Кузьма отскочил от места и закричал:

- Это не я, не я! Это он сам сиганул в эту яму!

Все жители Василёвки были возмущены до крайности, но эту жуткую историю, происшедшую в период безвластия и смуты, царящей в те годы, быстро замяли. А старшие братья Савки поклялись отомстить Кузьме за смерть брата...

В драке, о которой начался рассказ, Коля схватил топор и замахнулся на Кузьму с намерением рубануть его по голове, но его вовремя остановили, отняли топор. Потом Колю осудили на два года тюремного заключения. Хотя по утверждению некоторых свидетелей драку спровоцировал Кузьма.

Коля был красавец, озорник, заводила. Высокий, сильный и необычайно добрый, он пользовался уважением и любовью, особенно у молодых людей: парней и девушек. Говорили, что он знал какой-то тайный заговор и смело брал в руки, пускал себе за пазуху змей: ужей, гадюк; общался в лесу «на равных» с волчьими стаями. Все это свидетельствовало о его каких-то таинственных способностях и, безусловно, смелости характера.

Коля отбывал срок в орловской тюрьме - клепал оцинкованные ведра. Примерно через месяц после начала войны, его и еще нескольких заключенных, проходивших по легкой статье, вызвал заместитель начальника тюрьмы и выдал справки о досрочном освобождении. Без всяких речей и слов напутствия.

На разных перекладных, в товарняках, на попутках, на телегах, пешком он пробирался домой по уже занятой немцами территории. В один из летних солнечных дней, какие бывают в начале сентября, в нескольких километрах от Василёвки, в Гутняцком лесу Коля встретил совсем юного младшего командира Красной Армии. Коля быстро шагал по знакомой с детства дороге, погруженный в свои думы, как вдруг из придорожных кустов вышел военный, молодой симпатичный, одинакового с Колей роста и телосложения.

- Стой, мужик, - как-то неуверенно, даже робко, проговорил военный.

Коля остановился, равнодушно оглядел говорившего:

- Чего тебе?

- Ты куда идешь?

- Домой, естественно.

- А куда ведет эта дорога, - спросил командир

- Эта в мою родную деревню, а сюда – в город Унечу, - ответил Коля.

- Присядь, давай покурим.

Они сели на край сухой придорожной канавы.

- У тебя поесть не найдется, - опять первым заговорил военный.

Коля достал из сумки несколько оставшихся от сухого пайка, выданного тюремным начальником, сухарей. Быстро, молча съев два сухаря, военный внимательно оглядел Колю и вдруг резко спросил:

- А ты часом не из тюрьмы?

- Ага, из тюрьмы. Досрочно освобожден. Вот и справка есть, - Коля протянул военному справку.

Командир помолчал, потом горячо заговорил снова.

- Понимаешь, я был контужен, меня видно посчитали убитым, бросили. Я пробираюсь к своим. В армейской форме мне не дойти. Помоги мне, отдай мне свою одежду и справку.

- А я как же? - спросил Коля.

- Ну, ты рядом, в родных местах...

- Ну, я же не могу явиться к родной жене голышом.

- А я тебе отдам свою форму, она тебе как раз впору. И хочешь пистолет в придачу и патроны,
- быстро предложил командир.

Коля помолчал, а потом сказал:

- Да меня в твоей форме немцы враз к стенке поставят, - он долго думал. – Ладно, давай, выручу я тебя, кто еще тебе поможет.

Они свернули в придорожные кусты и быстро переоделись. Коля явился домой в красивой командирской форме, с петлицами на воротнике, с портупеей через плечо, в офицерском ремне и кобурой на боку, но заросший густой черной щетиной...

3.

В конце августа колхозникам было предложено разобрать по домам из колхозной конюшни оставшихся, видно не пригодных к армейской службе, лошадей, телеги, плуги, бороны. Забили оставшихся неугнанных молодых телят - мясо распределили между семьями по числу едоков.

В небе все чаще стали появляться немецкие, с черными крестами на крыльях, самолеты; иногда над деревней зависали «рамы», вероятно пытаясь выявить возможные укрепления и живую силу противника. Со Стороны Унечи уже несколько дней подряд слышалась артиллерийская

канонада, да по ночам все ожесточеннее становились налеты немецкой авиации. Вскорости из Унечи приехало несколько семей беженцев, у которых были в Василёвке родственники. Они сообщили, что Унечу заняли немцы.

В конце первой декады сентября в Василёвке со стороны Гуты неожиданно появились три немецких танка: громоздкие, выкрашенные в какой-то ядовитый серо-камуфляжный цвет, с большими бело-черными крестами на башнях, и потому особенно страшные. Они, громко урча моторами, не спеша, проехали до северной окраины Василёвки, развернулись, поехали в сторону общественных скотоводческих сараев, вернулись назад и остановились у колодца, что у дома Кургуза, заглушили двигатели. Тишина. Прошло несколько минут, но из танков никто не появлялся. Из каждой хаты, прильнув к окнам, за немецкими такими страшными и такими таинственными танками, со страхом наблюдали десятки настороженных глаз.

Вдруг со двора Кургуза открылась калитка и в ее проеме показался Василий Антонович. Вскинув руки, он поднял их над головой, желая продемонстрировать свои дружественные намерения, и не меняя позы, пошел к немецким машинам. Не доходя несколько шагов до переднего танка, Кургуз остановился. Через минуту поднялся люк, из которого показались сначала руки с автоматом, затем голова немца с напяленным на нее шлемофоном. Кургуз с достоинством поклонился и сказал по-немецки (будучи четыре года в плену, он неплохо выучил немецкий язык):

- Ich froh sich begruben Gaste auf russische Erde.¹

¹ - Я приветствую гостей на русской земле.

Немец явно обрадовался, что в этой дикой кажущейся вымершей деревне он, наконец, встретил человека, да еще и неплохо говорящего по-немецки.

- Спасибо, старик, но почему ты назвал нас гостями? – с улыбкой спросил немец.

- Потому что гости обязательно уходят домой, - как бы шутил Кургуз, хотя говорил он очень серьезно.

- Но-но-но, старик, - все еще улыбаясь, сказал немец. – Мы не гости, мы – хозяева, запомни, мы пришли навсегда! Как называется эта деревня, и как тебя самого зовут?

- Меня зовут Кургуз, а деревня называется Василёвка.

- Послушай, Кургуз, ты можешь угостить нас русским молоком и яйцами? – попросил немец.

- Один момент.

Василий Антонович ушел и через некоторое время вернулся, держа в правой руке большой кувшин молока, а в левой - корзину со свежими яйцами.

Тотчас же открылись люки двух других танков, и на Василёвскую, исконно русскую землю, впервые в XX столетии соскочило еще восемь немцев. Они были предельно возбуждены, громко гоготали, разговаривая, жестикулировали. Кувшин с молоком пошел по рукам. Еще большим успехом пользовались яйца. Танкисты их слегка разбивали прямо о броню и мгновенно жадно заглатывали содержимое. Достали сигареты, закурили. Предложили Кургузу.

- Спасибо, я не курю, - с достоинством по-немецки ответил Василий Антонович.

Из двух соседних домов робко, потихоньку, словно по минному полю, подошли детишки Васька Ковалек и Мишка Антонов. Они боязливо, с любопытством разглядывали немцев. Немцы

дружелюбно, почти ласково, смотрели на ребят. Потом один из них нырнул в танк и вернулся с двумя небольшими шоколадками, протянул их мальчикам. Но дети со страхом энергично замотали головами и отступили назад. Они не хотели немецкого гостинца. Немец, держа руки вытянутыми, сделал несколько шагов в направлении ребят. Они тотчас же в страхе убежали.

- Дикари, - расстроился немец.

Поблагодарив Кургуза за угощение, немцы влезли в свои танки и неспеша уехали.

Кончался сентябрь. Начались первые легкие заморозки. В один из таких дней, едва взошло солнце, в Василёвке появился отряд немцев: два больших «крестатых» грузовика, легковой автомобиль и четыре мотоцикла, оснащенных пулеметами. Через полчаса все население Василёвки, включая детей, было собрано на просторной площадке между двумя большими сараями, где раньше выгуливали колхозных коров. Толпа получилась внушительная – около трехсот человек. С грузовиков соскочили немецкие солдаты с автоматами на перевес, их было более двадцати человек, и окружили толпу людей, подталкивая их ближе к легковому автомобилю, у которого стоял седоватый немецкий офицер и двое штатских. Василёвцы молча сгруппировались в плотную, дышащую в затылок друг другу массу. Было очень тихо.

Наконец, офицер поднял руку и сказал, подглядывая в листок, который держал в левой руке, сильно коверкая русские слова:

- От имени немецкого командования поздравляю Вас с освобождением от большевиков!

Люди молчали, офицер оглядел толпу и дальше продолжал уже по-немецки.

Стоявший рядом с ним симпатичный холеный гражданский мужчина сделал полшага вперед и стал переводить на чистейший русский:

- Войне скоро придет конец. Наши войска со дня на день возьмут Москву. Мы установим в России новый германский порядок. Всем вам будет очень хорошо. Немецким командованием я назначен комендантом города Унечи и Унечского округа. Моя фамилия Курпман. Вы должны строго выполнять все приказы немецкого командования, которое возвратит вам землю, отнятую большевиками.

- Но вы должны будете платить победоносной немецкой армии продовольственный налог, а также выдавать нам партизан, коммунистов и евреев. Вы должны сдать немецким властям все имеющееся у вас оружие и радиоаппаратуру. За укрывательство евреев и партизан, и радио мы будем расстреливать на месте.

Он сделал длинную паузу, вытер аккуратно сложенным платком губы, еще раз оглядел стоящих в некотором отдалении василёвцев и продолжил:

- Сейчас мы должны выбрать старосту вашего села. Кто хочет стать старостой? – Люди молчали. К Курпману наклонился второй рядом стоящий штатский, что-то шепнул ему, и комендант спросил:

- Кто есть господин Кургуз?

Неспеша из толпы в передние ряды продвинулся Василий Антонович.

- Я Кургуз, - негромко ответил он.

- Мы хотели бы, чтобы вы были старостой, - полувопросительно-полуутвердительно сказал немец.

Кургуз помолчал и также негромко ответил:

- Стар я, господин офицер, для старосты и болен, я ведь еще в первую мировую войну воевал...нельзя мне старостой, очень прошу, нельзя, - и по-немецки добавил. – Wenn ich bitten darf!¹

Наступило продолжительное молчание. К коменданту опять наклонился штатский:

- Кто есть господин Жуков? – снова спросил немец. В 1941-ом году фамилия Жуков не вызывала у немцев никаких ассоциаций и эмоций, тем более, страха. Это потом, два года спустя, она наводила ужас на немецких вояк высшего ранга.

Из толпы вышел Иван Дмитриевич Жуков, в прошлом хозяин хутора, которого числили кулаком и даже арестовывали, но по просьбе председателя колхоза Малеева Трофима распоряжением секретаря райкома Малкина, он был отпущен на свободу.

- Вы хотите быть старостой села?

Жуков молчал.

- Кто имеет что-то против того, чтобы господин Жуков был старостой Василёвки? – четко переводил переводчик.

Толпа молчала.

- Ваше молчание – есть согласие, - заключил комендант. – Итак, господин Жуков, от имени немецкого командования назначаю Вас старостой Василёвки. Все указания Вы получите в ближайшее время в комендатуре в Унече.

Жуков молча поклонился.

¹ - Я очень вас прошу!

- Нам нужны мужчины, которые хотят служить немецким властям в полиции. Кто хочет быть полицейским? – опять спросил Курпман. – Мы будем платить хорошую зарплату дойчмарками, выдавать продовольственный паек и добротную теплую одежду.

В ответ никто не шевельнулся. Во втором ряду стоял Коля Малеев, один из младших сыновей Никиты Корнеевича. Он был одет в солдатские брюки-галифе цвета «хаки» и грязноватый помятый пиджак из домотканого сукна, одетый поверх льняной сорочки.

Комендант бросил взгляд на его брюки, потом взглянул в упор в лицо, поманил к себе пальцем:

- Komm zu mir!¹

Коля сделал вид, что не понимает. Слов он действительно не понимал и стоял, не дыша и не шевелясь. Комендант многозначительно взглянул влево, сделал кому-то легкий, едва заметный знак рукой. Молодой автоматчик почти бегом бросился к Коле и вытолкнул его вперед.

Видимо машинально, на всякий случай, он провел обеими руками вдоль туловища мужика, на миг замер, потом быстро вытащил из-за спины несчастного пистолет и резко поднял его вверх, желая продемонстрировать бдительность своему начальству. Коля изо всех сил рванулся вперед, пытаясь освободиться от рук немца. К нему немедленно бросились еще два автоматчика и прикладами сбили его с ног.

Толпа зашевелилась и замерла в страхе; и вдруг раздался звонкий женский крик. Из середины толпы к Коле бросилась его жена Фрося. Ее резко оттолкнули, она упала. По бледному лицу Коли от

¹ - Подойдите ко мне!

виска текла густая струя алой крови. От сильного удара в висок он потерял сознание. Его, как мешок, бросили в кузов одного из стоящих рядом грузовиков. Всех остальных мужчин, независимо от возраста, немецкие солдаты начали тщательно обыскивать на предмет наличия оружия.

Через час немцы уехали, увозя с собой Николая Никитича Малеева. Два дня спустя его труп нашли пастухи, километрах в трех от Василёвки, недалеко от железной дороги Унеча – Орша, в не засыпанной, неглубоко выкопанной могиле, которую, несомненно, копал себе он сам. Детей у него, к счастью, не было. Осталась только безутешная молодая вдова по имени Фрося.

4.

Холодной октябрьской ночью 1941-го года, когда ранние в том году заморозки доходили уже до минус десяти градусов, в Василёвку возвратились трое мобилизованных в июле мужиков: Малеев Федот, Человский Константин и Толкачев Иван. Они рассказали, что эшелон, в котором их везли в Смоленск, где должны были выдать обмундирование, оружие и провести обучение новобранцев, был подвергнут массивной бомбардировке буквально за несколько километров до места назначения. Паровоз и почти все вагоны сгорели или взрывами были сброшены с путей, а мобилизованные разбежались по окрестным кустам в лесу. После отбоя воздушной тревоги присутствующие в каждом вагоне командиры стали собирать разбежавшихся мужчин. Это удавалось им с трудом. А так как старшего по вагону, в котором ехали василёвцы,

видимо убило (так рассказывали дезертиры), а земляков они также не смогли найти, то решили возвратиться домой.

В действительности же дело обстояло не так. Как писали позже земляки в своих письмах, Федя, Костя и Иван просто воспользовались паникой и суматохой и подло сбежали, бросив своих односельчан.

Не имея ни карты, ни компаса, ни умения ориентироваться в чужой местности, тем более, не имея на руках никаких документов, они оказались в крайне беспомощном состоянии. К железнодорожным станциям, да и к самой железной дороге, которые подвергались непрерывным налетам, они идти не решались. Поэтому долго бродили, обходя многочисленные болота, реки в поисках брода (мосты все охранялись), пока в районе станции Коммунары они не попали в руки немцев. Их доставили в Унечу, сдали в комендатуру, где предложили на выбор: службу в полиции в родной деревне или лагерь для военнопленных. Мужики предпочли полицию.

Дня через три после возвращения из волостного штаба местной полиции приехал начальник по фамилии Гридин, привез им винтовки, патроны, черные пиджаки с дюралюминиевыми пуговицами и белые нарукавные повязки с изображением свастики. Гридин привел их к старосте Жукову, контора которого теперь размещалась в бывшей колхозной канцелярии, и вместе с ним провел инструктаж вновь испеченных полицейских. Так в Василёвке решилась проблема с полицией, которая должна была служить «верой и правдой» великой Германии. Старшим полицаем в Василёвке был назначен Федот Малеев.

...Если Толкачев и Человский оказались в полиции по жестокому принуждению, вынужденно, проявив, безусловно, признаки гнусного малодушия, то Федот Малеев стал полицейским урядником (так его называли) сознательно, закономерно.

Лет за восемь до войны он был осужден на пять лет тюремного заключения за воровство общественного имущества, отбывал срок на строительстве одного из цехов «Уралмаша», где ему пришлось всю эту свою «пяtilетку» выполнять тяжелые земляные работы в глубоких котлованах, часто по пояс в воде; насосы не успевали с откачкой, да к тому же у него сложились плохие отношения с конвоирами, охранявшими этот строящийся объект, да и со всей администрацией лагеря, так как его бригада систематически не выполняла план и за это подвергалась жестоким лагерным санкциям.

Он люто, непримиримо, до смерти возненавидел и этот лагерь, и особо людей в красноармейской форме, охранявших его, и всю советскую власть. Он стал закоренелым врагом. Федот унаследовал от своей матери Анны ее худшие качества: эгоизм, легкомыслие, коварство, пренебрежение ко всякому труду, неуважение к окружающим его людям, способность к воровству. И даже внешне он был похож на мать, красив лицом (он нравился женщинам), чуть выше среднего роста, хорошо сложен.

...После смерти отца его взяли в семью Максима, дальнего родственника Никиты, у которых было своих шестеро детей. В семье были проблемы и с одеждой, и с едой. Естественно, что Федот довольствовался тем, что оставалось от родных детей. Он часто терпел побои, и издевательства, и поэтому все время был замкнутый, злой и голодный. С восьми лет его стали заставлять работать. Сначала это были несложные домашние обязанности, но они отнимали много времени, потом

ситуация усложнилась, и в двенадцать лет он уже вынужден был пахать, косить и выполнять другие тяжелые крестьянские обязанности. На игры с деревенскими ребятами времени у него не оставалось, грамоте его не учили. Он сам потихоньку, наблюдая за старшими детьми Максима, выучился читать и кое-как писать.

Четырнадцать лет он ушел из дома Максима работать на лесопилку, которая открылась в Грабщине, на берегу реки Деры. И так он скитался по разным хозяевам, за бесценок батрачил, голодал, холодал и наполнялся злобой ко всему и всем. Революция и все, связанные с этим явлением, события его как-то не интересовали и, незамеченные им, проходили мимо.

Со старшими братьями отношения у него не были доверительными; все они, вырастая в разных чужих семьях, были отдалены друг от друга, родство воспринимали скорее умом, душевных отношений между ними не было. Его жалела и любила только старшая сестра Прося. К ней он относился с определенным доверием и симпатией.

В колхоз он вступил еще будучи холостым. Трудился на общих работах, но так, без особого усердия. Перед самой отсидкой женился на очень хорошей, доброй, трудолюбивой, хоть она и не была красавицей, девушке из Гнилуши. Гнилуша и Рудня были постоянными поставщиками невест в Василёвку. А может, здесь действовал пример отца Никиты, жена которого тоже была из Гнилуши.

И вот теперь Федот – полицейский урядник, по существу, хозяин Василёвки. Он очень ревностно относился к неожиданно обретенным обязанностям и, особенно, к неограниченным правам, стараясь во всем угодить немецким властям.

Он любил по несколько раз в день проходить по василёвской улице в форме полица, с немецким карабином на плече в сопровождении своих помощников – Кости Человского и Ивана Толкачева. Федот мог бесцеремонно войти в любой дом, не спрашивая разрешения хозяев, и по-начальственному осмотреть все помещения. Люди его не любили, да и не за что было любить – он вел себя вызывающе высокомерно и грубо. Иногда ему предлагали выпить самогонку, он не отказывался. В таких случаях он добрел. Теперь он почти все время находился под хмельком. Он мог бесцеремонно взять в чужом доме понравившуюся ему вещь. Жаловаться было некому, а сопротивляться бесполезно – «сила солому ломит».

Начальник Гутнянской волостной полиции потребовал от Федота довести численность полицейских в Василёвке до десяти человек. Федот обошел всех потенциально способных служить в полиции мужиков, но результатов это не принесло. Сводный брат Иван Никитич (Струк) деликатно отказал ему, сославшись на хромоту, а родной брат Стефан, которого не призвали в РККА из-за сильной близорукости, и который недолюбливал Федота, просто послал его, куда следует в таких случаях.

5.

В середине ноября в Василёвку неожиданно возвратились отправленные еще в начале июля скотогоны Егор Слуцкий, Ефим Мытницкий, Митрофан Почечуев и Егор Малеев

– родной брат Федота. Егор еще не успел помыться, как к нему заявился Федот в своей полицейской форме, он ее вообще снимал теперь только на ночь, полный нарочитой важности и собственной значимости. Егор встретил его равнодушно, без эмоций. Федот почувствовал, что пришел не ко времени и после обниманий и приветствий собрался уходить. Егор удерживать его не стал.

Дня через три Федот пришел снова, и после выпивки по поводу встречи, предложил Егору вступить в полицию. Егор отреагировал спокойным молчанием, а находившаяся в хате жена его, Федосья, вдруг сильно возмутилась:

- Ты что такое говоришь, душегуб? Сам совесть потерял, да еще и брата хочешь втянуть в грех? – она говорила взволнованно. – Вот подожди, вернутся наши, за все ответишь!

- А ну, уймись, - твердо сказал Егор, обращаясь к жене. – Тебя никто спрашивать не будет. Сам решу, - и уже Федоту добавил, - нет, брат, в полиции мне делать нечего... - помолчал. – Ты, видно, забыл родного брата Колю, которого немцы застрелили, как собаку, и брата Сергея, который вместе с сыном Васькой в Красной Армии против немца воюет. Так что, извини... - Егор замолчал.

- Ну, смотри, как бы пожалеть не пришлось, - зло сказал Федот и вышел из хаты.

Митрофан и Ефим Мытницкий также ответили на предложение Феде отказом, а Егор Слуцкий, хороший мужик, но кроткий и слабохарактерный, под беспардонным напором урядника сдался, согласился вступить в полицию. Чуть позже полицейским стал еще один мужик по имени Илларион. Теперь в Василёвке было пять полицаев. Вместе со старостой Жуковым, которого в Василёвке называли просто «Жук» полицаи регулярно собирали с селян для немецкой армии мясо, молоко, яйца, сало, масло. Немалой данью облагался каждый дом. Уклонистов от уплаты налогов жестоко, до полусмерти, избивали палками, а у некоторых забирали скот.

Не прошло и месяца после оккупации немцами Унечи, как стали распространяться настойчивые слухи о том, что в Гутняцком лесу и в Грабщине появились партизаны. В ноябре взорвали железнодорожный мост недалеко от Василёвки, на дороге Орша-Унеча. Кто-то из селян заготавливал в лесу дрова, и к нему подошли трое гражданских вооруженных винтовками и стали расспрашивать, есть ли в Василёвке немцы, часто ли они наведываются сюда, сколько в деревне полицаев, сколько вообще осталось мужчин; а еще видели, как ночью при свете луны над Ермаковскими нивами спустились два парашютиста.

Естественно, этим слухам, передаваемым почему-то с оглядкой и шепотом, верили, и это вносило оживление в полную неопределенностей и какого-то несбывшегося, доброго ожидания деревенскую жизнь. Отправляясь в лес по каким-то своим хозяйственным надобностям, практически каждому хотелось встретить партизан.

Поговаривали, что с лесными солдатами имели контакты Кургуз Василий Антонович и Иван Никитич Малеев по прозвищу «Струк», который как был при советской власти лесником, так, не спрашивая разрешения у немецких властей, и продолжал исполнять свою должность – оберегать от браконьеров русский лес. Он даже ружье не сдал немцам, оно висело у него на стене, на виду. Не раз видели, как Кургуз и Струк темными вечерами уходили в лес, унося с собой какие-то мешки, а возвращались под утро. Струк чуть ли не каждый день уходил в лес, причем каждый раз непременно в разные лесные массивы.

Ивану Никитичу шел шестой десяток, хотя седая борода, усы и седая волосатая голова могли свидетельствовать, что ему гораздо больше; не зря даже взрослые замужние женщины и в глаза, и «за глаза» называли его дедом. Но «дед», несмотря на сломанную в молодости ногу стволлом спиленного свалившегося на него дерева, и потому сохранившуюся на всю жизнь хромоту, был весьма крепким мужиком. Он унаследовал от своего покойного родителя Никиты Корнеевича богатырское здоровье, доброту, порядочность, крестьянское трудолюбие и основательность во всем.

Иван Никитович считался в Василёвке довольно богатым человеком и жил в хорошем достатке. Правда, в семье у него было не все хорошо. Женился по знакомству на девушке из Рудни, которая была из хорошей семьи, сама хорошая рачительная хозяйка, бережливая до скупости, но слабовата здоровьем – постоянно жаловалась на частные головные боли. Жили они с Иваном в согласии. Первая дочь Катя, которая была названа в память матери Ивана, умерла от невыясненной болезни в раннем девичестве, а второй ребенок, сын Петр, оказался на радость родителей и крепок здоровьем, и красив, и умен. Перед войной он окончил коммерческое училище и работал по торговой части. С начала войны от него не было никаких вестей, и это очень печалило его родителей.

Буквально неделю – другую спустя после оккупации немцами Унечи по ночам начались бомбежки станции и скопившихся на ней немецких эшелонов советской авиацией. Сначала налеты были малочисленными и кратковременными, но с каждым днем они становились интенсивнее. Население Василёвки, как, впрочем, и все в оккупированной зоне, страдало от отсутствия соли и керосина. Вместо керосина жгли лучину или разбавленный солью бензин, который кое-как

удавалось доставать. А соль была на вес золота. стакан серой грязноватой соли в Унече стоил 100 рублей и более, буханка хлеба – 400-600 рублей.

Имея подсобные хозяйства: огород, кое-какую скотину и лес рядом, который при нужде давал человеку и ягоды, и грибы, да и мясо, если повезет – деревенское население в плане продовольствия было в значительно более выгодном положении, чем городское. Жители Унечи, Клинцов, да и всех других городов России искали пристанища и защиты на селе. И безопаснее, и умереть с голоду вероятности меньше. В Василёвке почти в каждой семье жили беженцы, в основном, из Унечи, которую теперь бомбили почти круглосуточно наши самолеты, но были беженцы и из Брянска, даже из Орла.

С начала зимы в лесах появились банды мародеров, которые по ночам совершали набеги на крестьян, забирали все съестное, кроме картошки, которую просто всю не могли унести. Это стало настоящим бедствием. Почти каждую ночь кого-нибудь грабили, что называется «прямо на дому». Все они называли себя естественно «партизанами». Поэтому постепенно к партизанам в деревне стало формироваться враждебное отношение. Хотя бывали случаи, и селяне это заметили, когда приходили ночью заросшие, исхудавшие люди и вежливо, насколько это позволяла ситуация, просили: «Хозяюшка, мы от партизан. Не могли бы вы нам помочь какими-нибудь продуктами, может хлебом или мукой, может салом, еще чем...» Это были действительно партизаны, и хозяйки готовы были отдать им последнее.

Так вот, однажды, трое таких вежливых зашли к Ирине Халимоновне Бородулиной, пожилой женщине, у которой двое сыновей, и оба были на фронте в Красной Армии, и попросили хлеба. А незадолго перед этим у нее уже были «партизаны» и освободили ее ото всех запасов, даже

поросенка в закутке прикололи и не постеснялись забрать. Она и рассказала об этом троим понравившимся ей ночным гостям. На это один из них сказал: «Матушка, это не настоящие партизаны, это или мародеры, которых по лесам бродит много сейчас – от войны прячутся, либо специально созданные немцами спецгруппы. Их задача – сформировать у местного населения враждебное отношение к партизанам. Так вот! Фашисты ничем не брезгают!» Она по наивности рассказала об этом соседкам, и скоро к ней заявился Федот и стал строго допрашивать, кто приходил, зачем и почему не сообщила в полицию. Пригрозил, что в следующий раз сдаст ее в комендатуру, а там шутить не будут. И вообще потребовал, чтобы она держала язык за зубами.

Ни газет, ни радио, ни каких-то других источников информации в Василёвке, да и в Унече, не было. Приходилось довольствоваться только слухами. Перед новым 1942-ым годом стали распространяться упорные слухи, что немцы взяли Москву, Ленинград, и поэтому скоро войне наступит конец. Об этом сообщалось и в листовках, которые сбрасывали немецкие самолеты над каждым населенным пунктом в оккупированной зоне. В них также предлагалось всем активно сотрудничать с немецкими властями, а партизанам предлагалось прекратить сопротивление и сдаваться – жизнь гарантировалась. Потом из Унечи кто-то принес печатную листовку, в которой говорилось, что про взятие Москвы и Ленинграда немцами – брехня, что наоборот, наши разбили под Москвой крупную немецкую группировку.

Постоянного немецкого гарнизона в Василёвке не было, но периодически квартировали по 10-15 оккупантов в течение одной-двух недель. Многие немцы, особенно пожилые, относились к местному населению вполне нормально. Не грабили, не безобразничали, ребятишек угощали конфетами, шоколадом, галетами. Следует сказать, что снабжали их хорошо. Но они с

удовольствием ели деревенский борщ, картошку с капустой и огурцами, а взамен хозяйкам оставляли сахар, тушенку или рыбные консервы. Но были и фашисты, готовые показать свою власть, превосходство, поиздеваться, пострелять в животных: кур, собак, овец. Особой враждебностью и даже жестокостью по отношению к населению отличались финны. Их, человек двенадцать, стояло в Василёвке почти месяц. Это были настоящие гады, изверги!

С приходом весны Жук с участием полицейских стал делить землю между василёвцами. Никаких особых споров и скандалов не было – каждому двору был возвращен надел, которым он владел до коллективизации. Люди занялись посевными делами. Но все жили ожиданиями, разговорами, где-то услышанными новостями с фронта. Новости со скоростью света распространялись среди василёвцев и проживающих у них беженцев. К сожалению, радостных, обнадеживающих новостей, которых с нетерпением ждали, не приходило.

Кончилось лето. Урожай зерна, овощей картофеля собрали хороший. Половину всего собранного староста заставил свезти в Унечу и сдать немецким властям в бывшие склады «Заготзерно». На железной дороге участились случаи подрыва немецких железнодорожных эшелонов. Небольшой железнодорожный мост на проходившей в трех километрах от Василёвки железной дороге Харьков – Орша охраняла рота эсэсовцев. Они построили у моста дзоты, а вдоль железнодорожного полотна на сто метров справа и слева силами мужиков и баб, согнанных со всех вел и деревень вырубали лес и кустарники – чтобы было видно партизан, пробирающихся к железной дороге.

Зима наступила неожиданно рано. Все по-прежнему жили ожиданиями хороших новостей, но они не приходили. А тем слухам, которые распространяли полицаи и немцы, люди не верили.

А время шло. Егор Никитич по просьбе некоторых селян, да и из других деревень поступали заказы, мастерил сани на дубовых полозьях. Оказывается в домашних условиях это сложнейшее мастерство. Особенно интересен и трудоемок ритуал гнутья толстых дубовых брусьев, распаренных в жарко натопленной русской печи, чтобы потом они, высохнув, стали хорошими крепкими, на долгие годы, полозьями.

А его брат Стефан Никитич был мастак по части изготовления деревянной тары и различной мебели. Бочки разной емкости - дубовые, осиновые, липовые; кадки, ушаты, ночевки (такие деревянные тазы, в которых купали маленьких детей), ковши, ковшики, столы, стулья, всевозможные шкафы, кованые сундуки и прочие разности. Он даже мастерил скрипки, замечательные скрипки. Не «Страдивари», конечно, но у музыкантов пользовались спросом. Он сам прекрасно играл на скрипке народные мелодии и разные плясовые на свадьбах, крестинах и по праздникам. Стефан мастерил также разнообразные деревянные игрушки для детей.

Спокойный, кроткий, доброжелательный, он любил детей. Своих у него было шестеро. Двое: Федя и Мотя были от первой жены, которая умерла вскоре после родов Моти. Четверо – от второй. Марфа Тарасовна – вторая жена Стефана – была женщиной довольно злой и сварливой. По отношению к маленьким неродным детям Феде и Моте она была настоящей жестокой мачехой, каких изображают в страшных детских сказках. Она заставляла их много работать, часто бранила и даже била. Феде, талантливому мальчику, у которого, несомненно, были способности и стремление к учебе, она дальше четырех классов учиться не позволила.

Когда Стефан умер, Федя и Мотя ушли от мачехи к родственникам отца. Став взрослыми, они оказались достойными людьми: Федя всю жизнь проработал бригадиром каменщиков – он был

замечательный, высококлассный мастер, оставивший в Унече и других городах области много рукотворных памятников. У него была прекрасная семья: двое детей – Витя и Наташа. Сам он был хорошим человеком.

Мотя одна воспитала сына Сергея – настоящего русского богатыря: высокий, крепкий, здоровый, умный, он работает бригадиром на железной дороге. У него прекрасный дом, подсобное хозяйство, на котором еще трудится 75-летняя Матрена Стефановна.

7.

Однажды, это было в пятницу, 13 декабря 1942-го года, Егор зашел под вечер к своему старшему сводному брату Ивану Никитичу. Посидели, покурили домашнего табачка, поговорили о том, о сем; Иван выставил на стол бутылку самогона. Галя, жена его, приготовила вкусную поджарку, какую умела готовить только Галя Стручиха. Естественно, хорошо выпили. Все нормально, тихо, мирно, ничто не предвещало никаких неожиданностей, тем более, неприятностей. Егор собирался уходить домой, оделся...и тут в хату буквально врывается возбужденный Федот. С ним знакомый мужик из Сапичёвки и еще двое незнакомых вооруженных полицейских.

- Егор, - почти закричал Федот. – Я тебя везде ищу, черт побери! Давай, срочно едем с нами!

- Куда это? – удивился Егор. Ему никуда не хотелось ехать, скорее, хотелось поспать.

- В Сапичёвке только что банда из пяти человек до нитки обобрала Екима, выскребли все, что только нашли. Надо кончать этот беспредел. Я собрал всех здоровых мужиков. Нас пять полицейских, 9 немцев и еще наберем человек пять, выдадим винтовки – стрелять все умеют. По следам догоним и ликвидируем банду. Всё, поехали!

...Егор Никитич, потом оправдываясь перед своей умницей-женой Федосьей, потупив голову говорил: «Я не знаю, как это все вышло, как в каком-то бреду, как во сне, но я пошел с этими людьми и сел в сани. Мне дали винтовку, но я даже не стрелял».

Когда сбежала со своим любовником Анна Пыза, Егорке едва исполнилось четыре года. Пока отец не запил, он жил у себя в доме вместе со своими многочисленными братьями и сестрой под попечительством кривой своей тетки, которую почему-то невзлюбил, и бабушки, так называли дети Аннину тетку Марфу. Но когда умер отец, а родственницы, забрав в доме все, что было наиболее ценного, уехали в Гнилушу, мальчика забрал в свой дом Петроку. Мальчик схватывал все на лету, любил помогать Петроку, и вообще был очень трудолюбивым. Будучи от природы крепким, в то же время он обладал дерзким непокорным характером. В обиду он себя не давал. Даже старшие дети не только Петрока, но и из соседних семей, предпочитали с ним не связываться. В драке он бывал непредсказуем, мог ударить обидчика тем, что попадалось под руку: палкой, молотком, даже ножом, и поэтому его боялись. Жена Петрока его не любила. Да и откуда быть любви, когда своих семеро, да еще этот непослушный, хулиганистый пызачонок.

Как-то на пасху она всем своим детям подарила по два красивых крашенных яичка, а Егорке дала только одно; то ли так получилось случайно, то ли намеренно, он тут же отобрал еще одно

яйцо у старшего по возрасту Трофима и сказал: «Тебе твоя мамка еще даст, я видел у нее много». Петрок сначала не вмешивался в процесс воспитания приемыша, но, видимо, под воздействием жены несколько раз имел с ним беседы, правда, они носили односторонний характер, потому что Егорка только молча сопел, глядя куда-то в угол.

Однажды, когда ему было уже одиннадцать лет, Петрок его довольно сильно высек ремнем. Буквально тут же мальчик исчез. Его искали, но даже через неделю, через месяц и полгода его не нашли. Петрок в душе журил себя, ему было стыдно сельчан, еще более стыдно было перед памятью своего брата и друга Никиты Корнеевича. Но, что случилось, то случилось.

Объявился он уже в восемнадцатом году, повзрослевшим и возмужавшим. Ему исполнилось пятнадцать лет. Он тут же пришел в дом Петрока: «Дядька Петрок, тетка Дуня, простите меня за мой побег. Я сделал неправильно. Я все эти годы думал о вас. Ведь роднее вас у меня никого нет». Дуня даже заплакала, утирая слезы передником, и у Петрока навернулись слезы.

- Вот и хорошо, вот и правильно, что вернулся домой. Господи, радость-то какая, - говорили, перебивая друг друга Петрок и Дуня.

- Где же ты столько лет горя мыкал? – спросила Дуня.

- Во Вьюнках у пана Дульского батрачил, - ответил Егорка.

- Поди, не сладко пришлось, - все выпытывала хозяйка.

- Да, всякое было, и хорошее, и плохое.

Примерно с год он опять жил в семье Петрока, который с удивлением и какой-то тайной радостью обнаружил, что Егорка научился и плотничать, и столярничать, и шорное дело освоил, и

косит прекрасно, и пахать и сеять может. Клад, а не парень. Когда Петрок как-то высказал ему свою похвалу по поводу его умелостей, Егорка, смущаясь, сказал: «А я еще и кузнечному делу обучился. Могу и топор, и лемех отковать».

Через год он ушел в батраки к богатому хозяину Москалю (фамилия Москаль). У Москаля он пробатрачил 9 лет, пока последнего не раскулачили и не арестовали. У Егора о нем осталось самое прекрасное впечатление. Хороший, добрый, умный хозяин, сытно кормил, хорошо платил, во всем доверял и ко всему, полюбил Егора, как сына.

Егор скопил достаточно денег, чтобы срубить себе хату, купить лошадь, корову и жениться. Что он и сделал почти одновременно. Женился он в декабре 1927-го года. Бог дал ему замечательную жену: умную, красивую, добрую, покладистую, замечательную хозяйку-умелицу. Она достойна отдельного рассказа. В декабре 1928-го года у них родился первенец – мальчик, которого назвали Михаилом. Через два года в семье появилась девочка, нареченная Марией. В самый худой 1933-ий год жена Егора Федосья родила ему третьего ребенка – Ивана.

1933-ий роковой год для молодого советского государства и молодого колхозника Малеева Егора Никитича. В стране – голод. Смертельный голод. В семье Егора трое маленьких голодных детей. Зима. Он с Почечуевым Митрофаном просеивал на колхозном гумне семена льна. Начало темнеть. Электричества нет. Свет от фонаря «летучая мышь» недостаточен для работы. Собрались уходить домой. Егор в наружные карманы своего армяка положил по две мужские горсти семян льна. Они выходят, запирают гумно, из-за угла здания появляется бригадир и оперативный уполномоченный ОГПУ. В карманах Егора нашли семена льна, взвесили – полтора фунта. Суд. Три

года тюремного заключения. Лагерь на стройках Кузбасса. Вернулся очень обиженный. Приступил к работе в колхозе.

Год спустя на Духов день приезжие унечские родственники одного из сельчан устроили пьяную драку. В драке участвует Коля – младший брат Егора. Вот его бьют колом по голове – Коля падает, все лицо в крови. Кто-то из женщин закричал: «Колу убили!»

Егор - на коня и в Добрик, в сельсовет к телефону – вызывает милицию.

Возвращается в Василёвку. Коля сидит у собственного дома с перевязанной головой. Рядом – два милиционера.

Егора забирают в милицию. Суд. Два года за ложный вызов милиции.

На этот раз строил Челябинский тракторный завод. Отсидел. Вернулся еще более злой непримиримой злостью на себя, на земляков, на весь белый свет. Над ним как будто довлело какое-то проклятие, какой-то злой рок. А ведь был неглупым работающим мужиком, мастером на все руки. Замечательный кузнец, прекрасный столяр, умелый хлебороб – не было в крестьянстве такого дела, которое не мог бы выполнить Егор Никитич Малеев. Но любил выпить. Жена его Федосья Арсентьевна говорила часто: «Вот Егор мой, замечательный во всех отношениях, работающий, заботливый, умный, а выпьет – становится дурак-дураком». Он очень любил своих детей, родственников. Всегда всем старался помочь.

Бродит по деревне нищий, просится на ночлег. Глядя на его лохмотья и исходящий от него смрадный запах, никто из селян не хочет приютить нищего. А Егор Никитич всегда пускал в дом и нищих, и убогих. Они уже знали его дом и шли напрямиком в его хату.

8.

Около двадцати человек, полицаи, немцы и мобилизованные мужики, которые искренне верили, что едут воевать против банды, на пяти подводах выехали по следу – лыжне, которую оставили шедшие гуськом на лыжах партизаны (а это бесспорно были они), тащившие с собой еще, похоже, какие-то санки.

Следуя по лыжне, по полю от Сапичевки, в направлении Ермаковки преследователи гнали лошадей к темнеющему вдаль Добрикскому лесу. С небес, усеянных крупными звездами, светил ущербный месяц. Было довольно светло и морозно. До леса оставалось метров пятьдесят, когда начальник волостной полиции Гридин приказал остановиться и приготовиться к бою. И тут по остановившимся полицаям из-за огромной разлапистой ели огненной струей ударил пулемет. Буквально пять-шесть выстрелов и... пулемет смолк. Что-то случилось. Похоже, пулемет заклинило. В ответ лихорадочно застрекотали немецкие автоматы, забухали русские винтовки.

Теперь в свете ответных выстрелов, лежавшие в снегу полицаи смогли рассмотреть палатку и силуэты 5 человек в белых масках в стороне от палатки. Было видно, как один из партизан подталкивал женщину в лес, и даже сквозь выстрелы слышалось: «Беги, я приказываю, беги!» Женщина исчезла в сумраке леса, мужчины продолжали отстреливаться из автоматов и пистолета. Силы были неравные: пятикратное превосходство было у полицаяев. Со стороны наступающих лилась сплошная лавина свинца. Вот один из партизан отбросил автомат – кончились патроны. Вот второй упал и остался неподвижно лежать на снегу. Вот еще один закричал, видимо, от ярости и боли и, буквально, как сноп, рухнул в снег.

Защитников палатки осталось двое. Они уже отстреливались из пистолетов. Полицейская цепь заорала какое-то подобие «Ура», поднялась и рванулась к лесу. Еще один обороняющийся упал. Остался один; последний выстрел из пистолета по врагам, партизан метнулся к палатке и вмиг вырос в проеме с поднятой правой рукой, в которой что-то было. Полицаи устремились к нему. Партизан держал гранату. В пылу боя он не рассчитал несколько секунд, несколько секунд не добежали до своей смерти полицаи. Раздался страшной силы взрыв. На десятки метров разлетелись осколки, клочья земли и части человеческого тела. Заложило уши. К сожалению, во время этого короткого неравного боя из полицаев никто не пострадал...

Трупы четырех партизан – это, конечно, были настоящие партизаны, еще молодые рослые русские парни, даже мертвые они были прекрасны. По приказу Гридина они двое суток лежали на площадке возле клуба. Женщины среди них не было. Василёвские бабы, дети приходили смотреть на убитых, долго молча стояли, молились и горько, навзрыд плакали... Ночью кто-то накрыл трупы байковым одеялом.

Некоторое время спустя, была восстановлена подлинная картина всего этого потрясшего василёвцев события.

Часов в восемь вечера к Екиму в дверь постучали – в деревнях двери запираются только ночью, когда люди ложатся спать – и в хату вошли четверо вооруженных еще молодых мужчин и одна молодая женщина. Один сказал, обращаясь к Екиму: «Мы - партизаны. Немцев в вашей деревне нет? Мы очень устали и страшно голодны. Если можете – помогите. Нам бы поесть и попить чего-нибудь горячего...если можно...»

Марья – жена Екима и сам хозяин засуетились. На столе появились хлеб, тушеная в чугунке в русской печи картошка, сало и горячая кипяченая в глиняном горшке вода. Партизаны набросились на еду. Ели они быстро, с жадностью очень голодных людей. Погрелись у теплой печки. Старший попросил: «Хозяин, не могли бы вы дать нам в дорогу немного хлеба и сала?»

- Конечно, конечно,- лебезил Еким.

Марья молча принесла из погреба два больших куска сала и непечатый, килограмма на два, каравай ржаного деревенского хлеба. Один из партизан молча взял со стола и недоеденную ими часть каравая.

Не успели партизаны уйти, как Еким вскочил на лошадь и помчался в Василёвку, где в это время находилось, помимо полицаев, отделение немцев – девять человек. Он с приукрашением рассказал Федоту о партизанах, сколько их, куда ушли, как вооружены и как много забрали у него добра!

...Спустя несколько месяцев, в весенних сумерках, в хату к Екиму зашли двое мужчин. Еким и Марья садились ужинать. Детей дома не было, играли на улице. Один из мужчин тихо спросил: «Вы Еким?»

- Да, это я, - ответил, как будто, чуя что-то неладное Еким.

- Хозяюшка, у нас небольшой разговор с твоим хозяином наедине. Выйди на несколько минут. Марья вышла.

Она не заметила, когда те двое ушли. Войдя в хату, увидела, что Еким лежит на полу неподвижно, льняная рубашка в области груди густо пропитана кровью. На животе, на кусочке плотной бумаги от руки написано крупными буквами «ИУДА»...

Месяц спустя после освобождения Унечи и Василёвки Егора Никитича начали вызывать в Унечу на допросы. Потом приехало три милиционера, сделали в доме обыск, перерыли все, даже картошку под полом и сено на сеновале, ничего не нашли, но увезли с собой Егора. Федосья и дети ревели навзрыд. Но на это никто не обращал внимания.

Егора Никитича Малеева за участие в карательной операции против партизан приговорили к десяти годам тюремного заключения. Он умер 26 сентября 1944 года в лагере под городом Интой, Коми АССР.

Глава III

*О память сердца, ты сильней
Рассудка памяти печальной...*

К.Н. Батюшков

1.

С наступлением весны немцы заметно стали злее. Бомбежки станции Унеча нашими самолетами становились все более массированными и проводились даже в дневное время, тяжелые бомбардировщики сопровождали юркие советские истребители. Иногда воздушные бои между нашими и немецкими самолетами можно было наблюдать из Василёвки; самолеты буквально гонялись друг за другом над Гутняцким лесом или прямо над нашей деревней.

Стало интенсивнее движение немецких поездов по железной дороге: на восток везли танки, тяжелые орудия, немецких солдат, боеприпасы; обратно на запад на платформах покоренную немецкую технику, а в открытых товарных вагонах перебинтованных раненых фрицев. Люди,

находящиеся в оккупации, догадывались, что на фронтах происходит что-то очень серьезное, похоже, что немцев крепко бьют.

Как-то, в один из поздних майских вечеров, в Василёвке в открытую появился большой партизанский отряд. Полицаи и находившиеся в деревне несколько человек немцев попрятались. У партизан была гармошка – они организовали у клуба танцы, на звуки гармошки пришло много девчат. Было очень радостно и весело.

Партизаны рассказывали, что Красная Армия наступает по всем фронтам, что немцев сильно разбили под Сталинградом, и что скоро наши освободят и Брянщину.

После часа ночи лесные бойцы ушли и увели с собой несколько деревенских парней, которым исполнилось восемнадцать лет.

Между тем василёвцы сеяли, пололи, косили, убирали урожай, и полные надежд ждали.

И вот, 14-го сентября через Василёвку пошли немецкие обозы: телеги, легковушки и пешие колонны фашистов. Так продолжалось несколько дней. Наконец, сплошной поток отступающих войск неприятеля сменился отдельными мелкими группами, а 20-го сентября появился отряд эсэсовцев на нескольких мотоциклах, оснащенных пулеметами и огнеметами. Они ехали со стороны Красновичей. Остановившись, не доезжая двух десятков метров до клуба, у хат примыкающих к клубной площадке, включили огнеметы. Короткие, как пистолетный выстрел хлопки, и ревущие струи голубоватого пламени ударили по соломенным крышам сразу нескольких хат. Сухая солома вспыхнула мгновенно, подобно пороху. Находящиеся в домах люди и их соседи еще не успели сообразить, что произошло, а немцы переехали к следующим хатам, и опять повторилось то же. С ревом вылетающее из сопел огнеметов пламя поразило следующие дома.

Моментально, непонятным образом, откуда-то возник сильный порывистый южный ветер. А фашисты продолжали поджоги. В короткий срок горело полдеревни. Люди металась в панике, не понимая, что происходит, что надо делать; кто-то пытался что-то вытаскивать из дома: одежду, посуду, сундуки, иконы, разную хозяйственную утварь. Крики, плачь, стоны, проклятия наполнили улицу.

И тут, вдруг, со стороны огорода Павлюка, по мотоциклистам дружно ударили несколько советских ППШ. Они различались по звуку – сорочий стрекот немецких «шмайсеров» и сильный уверенный говор наших автоматов. Немцы моментально выключили огнеметы и на предельной скорости устремились наутек.

С огорода Павла Мироновича вышли пятеро партизан. Но на них, спасителей, как-то никто не обратил внимания. Каждый селянин метался у своего дома, стремясь спасти свои пожитки. Погасить пламенем охваченные дома никто не пытался, да и гасить было нечем, не было в деревне противопожарных средств, да и бесполезно это было делать. Ветер перебрасывал пламя на соседние соломенные крыши. Огонь успокоился только на крайней Игнатовой хате. Выгорело полдеревни.

Из людей никто не пострадал, но все погорельцы находились в состоянии прострации, шока и растерянности. Родственники погорельцев, у которых жилища благодаря партизанам сохранились, утешали пострадавших и к концу дня перетаскивали их пожитки и самих несчастных в свои дома.

21-го сентября, в день Рождества Пресвятой Богородицы, когда василёвцы обычно отмечали свой Престольный праздник, в деревню вошли красноармейцы с юга, и одновременно крупный партизанский отряд с севера.

Вся значимость и радость события была в двух словах: «Наши вернулись!!!»

То, что творилось в деревне описать трудно, потому что радость, восторг, ликования были неопишными. Объятия, поцелуи, слезы, горячие слова благодарности, признательности, любви, непередаваемого счастья – все вместе создавало атмосферу безграничной эйфории.

Все, что было лучшее в припасах селян, было немедленно предложено освободителям. Во дворах, прямо на улице, у хат столы, сколоченные из досок временные настилы, были уставлены самогоном и разнообразной едой. Рубили головы петухам и курицам, резали овец, кололи свиней, и все это в виде свеженажаренного или отварного мяса предлагалось советским бойцам и партизанам. А ротные старшины в свою очередь раздавали василёвцам сахар, консервы, американскую тушенку, белые сухари, мыло; раскочегарились полевые кухни, от которых уже исходили ароматные запахи.

Праздник продолжался почти полных два дня. Видно, армейские и партизанские командиры позволили уставшим красноармейцам маленький кратковременный отдых. Части красноармейцев расположились в густом сосновом Гутяцком лесу, части партизан – в березняке за выгоном.

Офицеры, старшины, раненые и пожилые бойцы квартировались в сохранившихся от пожара домах, спали прямо на полу, вплитык друг к другу, зато вдоволь ели вареную картошку и пили парное молоко.

На другой день появилась группа особистов и арестовала Жука и Ларьку. После беседы с Человским Костей и Слуцким Егором и опроса нескольких селян, которые заступились за земляков, бывших полицаев направили в штрафбат на фронт. Забегая вперед, необходимо сказать, что Слуцкий и Человский достойно воевали до конца. После окончания войны Слуцкого осудили на десять лет тюремного заключения, где он ослеп и умер, а Человский был награжден орденом Славы,

и видимо поэтому, суда избежал. Жук и Ларька были приговорены к десяти годам лагерей каждый. Ларька умер в тюрьме, а Жук после отсидки вернулся в деревню.

Дня за три до освобождения немцев от Василёвки, исчез шеф василёвской полиции урядник Федот. Решили, что он уехал куда-то по делам, или, чуя приближение Красной Армии, сбежал. Но за день до пожара его нашли недалеко от Василёвки, на берегу речки под дубом, на дороге, ведущей в Унечу. Он лежал на спине, широко раскинув руки, во лбу у него зияла большая запекшаяся рана. Смерть его была загадочной. Это не было самоубийством. Партизаны бы так с ним не стали расправляться, они бы его передали НКВД или Смершу, в худшем случае могли повесить на дубу, под которым он лежал. Вероятно, это был кто-то из его тайных соратников, кто боялся, что Федот знает что-то такое, особое, что может открыться, если его начнут допрашивать в НКВД.

Через несколько дней из Василёвки и ее окрестностей ушли последние красноармейцы. В полях, лесах, перелесках, в прудах и болотах, прилегающих к Василёвке, были оставлены целые арсеналы: немецкие и советские винтовки, немецкие автоматы, противотанковые мины и ручные гранаты, лимонки, цинки с патронами, минометные мины разных калибров прямо в ящиках, снаряды, разная амуниция, даже телеги, в полях бродили ничейные лошади. Василёвские мальчишки бродили по окрестностям и собирали все это смертоносное богатство. Матери ужасно бранились, а пацаны осваивали отечественное и чужое оружие. Ну, стрелять из винтовки – это не вопрос. Бросить гранату, выдернув чеку (это у лимонки) или повернув ручку ручной гранаты, поставив ее «на взвод», ребята научились быстро. А разбирать мины было сложнее.

«Ювелирным мастером» по разборке мин и гранат различных конструкций и систем был старший сын Егора Никитича – Мишка, которому тогда исполнилось четырнадцать лет. К нему

тащили все, что удалось найти и вызывало желание разобраться, что внутри, но боязнь – а вдруг как рванет, заставляла нести это Мишке. Он спокойно рассматривал оружие, и аккуратно, с помощью отвертки, плоскогубцев и молотка, справлялся с любой гранатой или миной. Противотанковая мина, например, напоминала большую закрытую крышкой сковородку, весом килограммов пять-шесть, в центре которой вворачивался взрыватель. В ней было килограмма четыре тротила. Мишка плоскогубцами аккуратно выворачивал взрыватель, и все – мина обезврежена.

Однажды, подростки под руководством Мишки одну такую мину поместили в окоп, что был недалеко от дома Харитона Бородули, привязали к взрывателю несколько детонаторов от немецких гранат (такие громоздкие с деревянной ручкой), подвели бикфордов шнур и подожгли. Сами спрятались метрах в пятидесяти. Через несколько минут грянул такой взрыв, что в окнах ближайших домов задрожали стекла, а бревна потолочного наката окопа подскочили на несколько метров вверх.

Вторым специалистом по саперному делу после Мишки, был его младший братишка Егорка, который был «авторитетом» в своей возрастной группе. Ему тоже приносили оружие его дружки, и он, как и брат, обезвреживал его. И бог хранил их обоих.

В Гуте были случаи, когда таких саперов целыми группами рвало на части. Да и не только в Гуте. Бывшего президента Ельцина при подобных обстоятельствах ведь тоже рвануло. К сожалению, взрыв был маломощным.

2.

Советская власть в первые дни после вступления в деревню Красной Армии приступила к восстановлению колхоза и школы. Председателем колхоза был назначен один из партизанских командиров по фамилии то ли Василенко, то ли Васильченко, он после тяжелого ранения нуждался в длительной реабилитации. Из Унечи появилась учительница Анна Егоровна Кнороз. Вскоро была открыта сельская лавка, в которую в первую очередь завезли соль, керосин, мыло и спички. Заработала почта. Скоро с фронта стали поступать солдатские треугольники и первые похоронки, в том числе и те, которые относились к 1941-1942 годам.

Все излишки продовольствия, которые были в семьях, а это определял председатель и счетовод, предлагалось свезти в колхозный амбар. Фронт и тыл нужно было кормить.

Последовал очередной призыв в Красную Армию. Все мужчины, способные носить оружие, все молодые парни, достигшие семнадцати лет, подлежали мобилизации. Приветствовались добровольцы. Оставшееся население, в основном старики, женщины и девушки, девчонки тринадцати-четырнадцати лет, привлекались к работе в колхозе. Ремонтировали животноводческие постройки, заготавливали бревна, дрова, ухаживали за общественными животными. На колхозном дворе появились семнадцать лошадей, выбракованных из армии и возвращенных колхозникам.

Что такое труд в колхозе в военные и послевоенные годы знает только тот, кто трудился в эти годы на колхозных полях и фермах. Работа без выходных от зари до темна, до изнурения, до последней капли пота, при питании впроголодь. Но люди знали, что это нужно стране, что это

нужно их мужьям, сыновьям, отцам, братьям, которые еще в более тяжелых опасных условиях, каждую секунду рискуют собственной жизнью.

...В Волгограде стоит памятник Матери-Родине. Может мне просто неведомо, но я не знаю, где памятник Женщине-Колхознице, спасшей в годы войны страну от голода. Где Церетели? Воздвигнуть бы грандиозный, величественный на самом светлом, на самом главном месте в России, может на Красной площади или на Поклонной горе памятник русской женщине – труженице-колхознице – хранительнице России!...

По тяжелому ранению в ногу вернулся с фронта хромающий Иван Иванович Малеев. Умный, добрый, выдержанный, несмотря на молодость (ему было двадцать два года), он пользовался уважением земляков. Иван был холост, красив, выше среднего роста. Девушки-ровесницы и помоложе заглядывались на красивого жениха. Его вскорости после возвращения назначили счетоводом в колхозе, а какое-то время спустя он женился на хорошей и, наверное, самой красивой девушке в Василёвке Ксении Бородуле, с которой дружил еще до войны.

Война ушла на запад, и теперь о ней напоминали письма с фронта, похоронки, да нечастые налеты немецкой бомбардировочной авиации по ночам на Унечу.

В Василёвке вместе с другими важными неотложными делами строили дома для погорельцев. Сгорело двадцать шесть домов. Зимой 1944-го заготавливали и вывозили в деревню лес, а по весне, когда освободились мужики (старики да подростки) от посевных работ, начали рубить дома. В первую очередь многодетным семьям и семьям погибших красноармейцев. В 1946-ом году о пожаре, учиненном немцами, в Василёвке уже ничто не напоминало.

Стоял теплый, солнечный, немного ветреный день (дул теплый южный ветер) 9 мая 1945-го года, когда в Василёвку пришла радостная долгожданная весть о победе.

Что творилось! Все и радовались и плакали от радости одновременно. В василёвской школе отменили занятия, отменили все работы в колхозе, кроме тех, которые отменить было нельзя, как дойка, пастьба, кормление и уход за скотом. В каждом доме был праздник.

Прошло несколько недель, и в Василёвку стали возвращаться уставшие от долгих лет войны, но радостные, увешанные орденами и медалями солдаты великой Армии-Победительницы.

Первыми возвратились Малеев Марк Миронович, Малеев Павел Миронович, Конопелько Григорий Яковлевич, Малеев Михаил Давыдович, Мищенко Федос Васильевич и другие.

На радость матери Авдотьи Владимировны Малеевой возвратился в золотых погонах старшего лейтенанта, с кучей орденов и медалей на груди, командир взвода армейской разведки Федор Малеев.

Радостные матери и жены, сыновья и мужья которых вернулись живыми, плакали от счастья.

Матери и жены, сыновья и мужья которых уже никогда не вернутся, плакали от горя.

Вот имена василёвцев, погибших в боях за свободу и независимость своей великой Родины – Советского Союза, и своей малой Родины – Василёвки, для многих молодых, ныне живущих, эти герои – теперь деды и прадеды, память о которых надо сохранить на все времена:

1. Малеев Иван Петрович
2. Малеев Агей Миронович (отец)
3. Малеев Иван Агеевич (сын)

4. Малеев Трофим Петрович
5. Малеев Николай Иванович
6. Малеев Андрей Кириллович
7. Болотвин Егор Игнатьевич
8. Малеев Василий Сергеевич
9. Почечуев Семен Петрович
10. Малеев Павел Тимофеевич
11. Малеев Василий Трофимович
12. Бородуля Степан Харитонович (братья)
13. Бородуля Василий Харитонович (братья)
14. Геращенко Владимир Петрович
15. Почечуев Кирилл Петрович

Вечная память и слава погибшим за Родину!

3.

Часто говорят, что человек хозяин своей судьбы. Это справедливо отчасти. Думается, что наши судьбы в руках Вершителя Судеб...

Федосья родилась 1896-ом году в деревне Рудня Клинцовского района Брянской области в бедной, но добропорядочной семье крестьян-тружеников. Работящие, умные, мудрые - отец Арсентий Алексеевич и мать Анна Александровна, у которых было шестеро детей: два мальчика (Иван и Антон) и четыре девочки (Матрена, Федосья, Авдотья, Марья), жили в любви и согласии, воспитывали детей в праведности, и в уважении к окружающим, прививали любовь к труду с самого раннего детства.

В семье с семилетнего возраста каждому определялось место в распределении трудовых обязанностей. Арсентий Алексеевич Лысенко сам был большой труженик, не пил, не курил, никогда слово плохого не произносил, за что был уважаем односельчанами.

Анна Александровна из тех, кто «в горящую избу войдет», была мастерицей во всех домашних крестьянских делах, воспитывала дочерей в строгости и скромности.

Старший брат Иван закончил церковно-приходскую школу, был умен, красив, хорош во всех отношениях, но неожиданно, еще в юношеском возрасте заболел чахоткой, которая в те времена была неизлечимой и считалась самой страшной болезнью. Семья, в которой обнаруживались туберкулезные больные, неизбежно оказывалась как прокаженная – в изоляции. Иван стал

катастрофически худеть, чахнуть на глазах, кашлял кровью, и в один из дней умер – это было страшное горе для семьи. С сестрами Ивана даже близкие подруги перестали общаться. Дом Лысенков обходили стороной. Но все же Матрену – старшую из сестер, взял в жены хороший молодой человек из села Вьюнки, что в восьми километрах от Рудни.

Год спустя умирает (тоже вероятно, от туберкулеза) Арсентий Алексеевич; Анна Александровна остается с четырьмя детьми, младшему из которых, Антону, едва исполнилось четыре года, а Марьюшке – девять лет. Теперь основная тягота домашних забот легла на плечи матери и старшей дочери Федосьи.

Федосья была красивой, работающей девушкой. Невысокого роста, стройная, густые темные до пояса косы, большие карие глаза, правильный овал лица, яркие красивые губы, небольшой прямой нос делали ее очень привлекательной. Ко всему, она была необычайно умна, скромна, добра, трудолюбива, обладала приятным голосом и хорошо пела. На нее заглядывались многие рудняцкие парни, но она была из «чахоточной семьи», да к тому же и бесприданница, бедна.

Шел второй год Первой Мировой войны, когда в соседнее село Смолевичи приехал на долечивание после лазарета фронтовик, молодой красивый парень Василий. Однажды в сельской лавке он встретил Федосью – пришла за керосином. Она так ему приглянулась, что он через неделю заслал к ней сватов. Жених тоже понравился Федосье. Василий был из состоятельной семьи, собой крепок и лицом пригож, и Анна Александровна согласилась выдать Федосью. Они обвенчались, и через положенное время у них родился первенец, которого назвали Иваном. Все шло хорошо.

Однажды Василий получил письмо, прочитав которое стал мрачнее осенней тучи, и с таким угрюмым видом ходил несколько дней. Федосья стала приступать с расспросами, что случилось,

почему он так изменился (читать она не умела), и Василий вынужден был поведать ей неприятную историю о том, что когда их полк находился в Пскове, он познакомился с местной девушкой, которую звали Надей. Она ему понравилась. Они какое-то время общались. Василий оставил ей свой домашний адрес. И вот, как она написала в письме, а письмо было от нее, что у них родился сын, и эта первая жена, так, по крайней мере, посчитала Федосья, на днях приезжает к нему домой и просит встретить ее на станции в Клинцах.

Для Федосьи это был страшный удар. Она такого вероломства, такого разворота событий не могла себе представить в самом страшном сне. Она испытала такой стресс, что у нее пропало молоко. Василий пытался ей что-то объяснять, она не хотела слушать (характер у Федосьи тоже был подстать всем остальным ее достоинствам), он становился на колени, молил о прощении. Федосья собрала вещи, которые можно было унести, забрала сына и ушла к матери. Василий пытался ее удержать, плакал навзрыд, но все было напрасно.

Она стала жить с матерью. Ребенок на радость матери и бабушке рос крепким забавным малышом, когда вдруг внезапно затемпературил – тело как кипятки, сначала ребенок очень кричал, потом затих. Пригласили бабку знахарку, она что-то долго шептала над мальчиком, но это не помогло. На третий день он умер. Василий неоднократно приходил в Рудню, предлагал Федосье вернуться, объяснял, что ту не венчанную родители не приняли, но она была непоколебима в своем решении и не простила обмана.

Так она и жила с матерью, соломенная вдова. В 1927-ом году, когда ей уже исполнился тридцать один год, и она не чаяла выйти замуж, вдруг в Рудне, у своей родственницы случайно

оказался Егор. Если не вдаваться в детали встречи, знакомства, разговора, можно просто констатировать, что Федосья вышла за него замуж. Обвенчались в церкви в Гнилуше.

Егор был на семь лет моложе Федосьи. Здоровый как бык, неукротимый, взрывной, грубый, он страшно ревновал жену к прошлому, не зная деталей произошедшей с ней драмы, часто упрекал ее. Не сложилась как-то сразу у них жизнь. Какая там любовь, любви не было. Он часто, особенно когда бывал пьян, избивал ее. Она стала его бояться.

Она была хорошей хозяйкой, мастерица на все руки, в доме все ухожено, все блестит, а муж этого не ценил.

Она родила ему пятерых детей. Они прожили вместе шестнадцать лет, из них пять лет Егор отсидел в тюрьме, итого – вместе только одиннадцать лет.

В декабре 1943-го мужа арестовали, и они больше никогда с ним не встречались.

Всю оставшуюся жизнь она посвятила детям, работала до изнеможения, голодала, отказывала себе во всем самом-самом необходимом, только бы хорошо было детям.

Дети ее, видимо, в награду за неудачно сложившуюся жизнь матери росли послушными, хорошими, трудолюбивыми помощниками.

Нужно особо отметить роль дочери Марии, которая была для матери всем, и работницей, и помощницей, и советчицей, и подругой. Она никогда не оставляла мать, даже когда вышла замуж. Думается, что последние двадцать пять - тридцать лет своей жизни Федосья Арсентьевна ощущала себя счастливой. Она всегда всем говорила: «Дети у меня замечательные, заботливые, внимательные, а невестки ко мне относятся лучше, чем иные родные дочери».

Умерла Малеева Федосья Арсентьевна 12 февраля 1992-го года в возрасте девяноста шести лет, и похоронена на одном из кладбищ неподалеку от Ярославля.

Глава IV

*Отечество, хатенки вдоль дороги,
Да у плетней седые тополя.
Когда-то детством горьким босоногим
Бродил я по твоим полям...*

1.

К концу 1945-го года в Василёвку возвратились все мужчины, мобилизованные в июне 1941-го года и принимавшие участие в войне, естественно, те, кто остался в живых. После нескольких дней отдыха и полагающейся после возвращения пьянки мужики приходили в правление колхоза для определения своей дальнейшей судьбы.

Федос Васильевич Мищенко, бывший до войны бригадиром, был избран председателем колхоза. Войну он прошел «от» и «до», дошел до Берлина, воевал в пехоте, был ротным старшиной, получил несколько ранений; грудь в орденах и медалях, настоящий мужик крепкого крестьянского телосложения, с открытым умным деревенским, слегка красноватым лицом и хорошо поставленным

чуть сипловатым командирским, но приятным голосом. Он был прирожденным председателем. Его уважали и по-своему, по-деревенски любили. Вообще, этот человек заслуживает, чтобы о нем писали романы, но мы ограничимся короткой информацией.

В послевоенные годы, особенно в 1946-1947-ых, жить и работать в деревне было исключительно трудно. Два года подряд катастрофические неурожаи – все, что удавалось собрать с полей, полностью сдавалось государству. Колхозникам оставались только трудодни – палочки в ведомостях, да то, что удавалось вырастить на приусадебном участке. Но и из крох, собранных с собственного огорода, государству нужно было сдать 500 кг картофеля, 230 литров молока, 120 яиц, 40 кг мяса или коровьего масла и немалую сумму денежного налога, да еще оплатить за облигации «добровольного» государственного дайма. В случае невыполнения любого из этих условий со двора могли увести на мясокомбинат последнюю коровенку.

Жизнь в те годы в деревне была на грани выживания. Люди буквально пухли с голоду, при этом требовалось работать, как крепостным – от зари до темна. Нет, пожалуй, крепостные так напряженно не работали. Трудно, невыносимо трудно было не только колхозникам, но и председателю Федосу Васильевичу. С одной стороны, он понимал положение своих земляков, и ему было искренне жаль их, с другой – он ничем не мог помочь, у него просто не было сил и прав противостоять требованиям районного начальства по выполнению плана заготовок. Хоть разорвись. Прояви неповиновение – тебя тут же снимут. Единственное, чем он мог помочь обездоленным колхозникам – выделись вне очереди лошадь, чтобы привезти дров или сено, или на базар съездить – свезти картошку на продажу. Он старался, насколько ему позволяла его должность, быть внимательным и справедливым к людям. И они были благодарны ему и за это.

Уйти из колхоза можно было только на учебу при поступлении в техникум или институт, или уехать по вербовке на лесозаготовки, или на Крайний Север и Дальний Восток. Паспорта в колхозе не выдавались.

Народ понимал, что стране нужно выбираться из послевоенной разрухи, что тяжело всем и в городе и в деревне. Но люди знали и то, что «...жизнь дается только раз, и прожить ее нужно так...», в общем, по-человечески.

В эти годы весной по прошлогодним картофельным, перепаханным полям толпами бродили деревенские мальчишки в поисках гнилой картошки. Нашедший разложившуюся картофелину счастливчик либо тут же ее съедал, либо прятал за пазуху, чтобы снести домой голодной маме и братьям.

«...Там некогда бродил и я ...».

Но вместе с тем, люди ощущали, что с каждым послевоенным годом жизнь все же становилась лучше. В магазинах стало больше появляться продуктов, одежды. Не стало проблем с солью и керосином. В 1947-ом году отменяется карточная система и, начиная с 1 марта 1948-го года, каждый год, пока был жив И.В.Сталин, значительно снижались цены на продовольственные и промышленные товары.

Много внимания власть уделяла развитию образования. Всех детей заставляли учиться, появились в достатке тетради, карандаши, чернила, перья, буквари для первоклассников, учебники для других классов.

В Василёвке начальная школа располагалась в клубе; четыре ряда, парт по пять в каждом, перед ними - стол учителя и черная классная доска, на которой писали кусочком белого известняка. Учились в две смены. В первую – первый и третий классы, во вторую – второй и четвертый.

2.

В 1944-ом году в Василёвке появилась новая учительница Ольга Митрофановна Анищенко. Это был «луч света и добра» в василёвской постылой послевоенной действительности. Уже немолодая, ей было, вероятно, около пятидесяти лет, чуть повыше среднего роста, довольно стройная для своего возраста, она сразу же обращала на себя внимание умным волевым выражением немного бледноватого лица, которому высокий без единой морщинки лоб и крупные внимательные серо-зеленые глаза придавали какое-то особое обаяние.

Ее голос обладал гипнотической музыкальностью: спокойный, ровный, негромкий. Он располагал собеседника к доверительному общению. Ее речь, выражения, обороты были академически правильными. Манера общения с молодыми, в особенности с детьми, уважительное отношение ко всякому с ней беседующему, свидетельствовали о ее высокой образованности и культуре. Она, несомненно, была аристократкой и по форме и по духу. Ольга Митрофановна никогда не перед кем не унижалась и не заискивала, но уже в кратчайший срок она стала в Василёвке уважаемым и влиятельным человеком. Ее авторитет был самым высоким в деревне. На

Руси в те времена, в особенности в деревнях, учитель пользовался исключительным уважением, а Ольга Митрофановна была Учительницей от Бога.

Она приехала в Василёвку вместе с тремя детьми. Двое почти взрослых: Женька-сын учился на последнем курсе сельхозтехникума в Новозыбкове, Галка-дочь, необыкновенная красавица, училась в Клинцовском педучилище на первом курсе. А самый младший – Шурик, как называла его сама мама, был дошкольного возраста.

По просьбе правления колхоза Евдоким Степанович Малеев сдал ей лучшую половину своего просторного дома, выходящего окнами в сад. Имущество учительницы привезли на двух подводах из Унечи. Оно состояло из большого множества разных книг, пианино, баяна в футляре, буфета, двух столов, шкафа и прочей хозяйственной утвари. Сельчан особенно поразило пианино, это слово долго не могли правильно выговорить василёвцы. Дня три ушло на обустройство и освоение нового жилища.

Как выяснилось позднее, Ольга Митрофановна замечательно пела под собственный аккомпанемент на пианино. У нее было роскошное сопрано, в репертуаре – старинные русские романсы. Когда она пела с открытыми окнами в сад, у дома Евдокима собирались девушки, женщины и молча слушали. Ее голос с оттенком тихой грусти, как волшебством наполнял деревенскую тишину.

Для деревенских ребят Ольга Митрофановна была подобна святой, явившейся из другого фантастического мира. Она любила ребят, была доступна, ласкова, в то же время в меру строга. Когда она объясняла урок, нам казалось, что мы переставали дышать и, раскрыв рты, жадно ловили каждое ее слово. Она знала «все» и «обо всем». В нашем первом классе было двадцать два ученика –

мальчиков было больше. Наша любимая первая учительница учила нас не только читать, считать и писать, и другим школьным знаниям, она учила нас добру, она учила нас быть правильными, честными, нравственными, учила любить и уважать окружающих нас людей. Она устраивала интересные утренники, посвященные государственным праздникам, давала нам сверх школьной программы интересные стихотворения для чтения на празднике, причем, старалась задействовать всех в классе. Она с одинаковой любовью относилась и к отличникам, и к середнячкам.

После первых в жизни экзаменов за четвертый класс, которые мы ходили сдавать в Добрик, шесть питомцев Ольги Митрофановны из двадцати двух продолжили учебу в Добрикской семилетней школе: Малеев Петр, Малеев Николай, Конопелько Иван, Малеев Егор, Малеева Полина и Малеева Раиса. Нам было всего по одиннадцать лет.

В течение трех лет девять месяцев в году мы ходили каждый день в любую погоду: дождь, метель, мороз (морозы тогда зимой часто доходили до минус тридцати градусов) семь километров от Василёвки до Добрика и семь километров от Добрика до Василёвки, почти по бездорожью, летом дороги не было – было направление, а зимой – по снежной целине. В первую смену занятия начинались в восемь часов тридцать минут и заканчивались в тринадцать - четырнадцать часов. Дорога занимала примерно час двадцать минут. Мы вставали в шесть часов каждый день, кроме воскресенья. Нужно было умыться, позавтракать, обуться – наvertеть на ноги льняные онучи, обвязать их тонкими специально для этих целей подготовленными веревочками-бечевками и одеть бахилы, в которых в послевоенное время ходило пол-России, склеенные из старых автомобильных камер. Жуткая обувь. Ноги мерзли постоянно, но зато, если бахилы не были дырявыми, не промокали.

Домой мы возвращались в два - три часа дня. Не каждому мама могла дать с собой в школу кусок хлеба, потому что не у всех и не всегда он был. Ребята из семей посостоятельней постоянно брали с собой хлеб и сало. Пожалуй, только Егор ходил с сумкой, в которой кроме учебников и тетрадей ничего не было. На завтрак он часто съедал пустой картофельный драник – это было в семь утра и до двух-трех часов дня терпел голод, ждал, когда, придя домой, он достанет из русской печи чугунок теплой тушеной картошки. Просто пустой - без молока, или простокваши, или, тем более, мяса. Корову со двора Федосьи власти увели за недоимки по налогам летом 1948-го года, а купить поросенка не было денег.

Ребята съедали свои взятые с собой съестные припасы, как правило, на большой перемене. Предлагать кому-то часть своего полдника, было не принято, то ли из деликатности, чтобы не обидеть, то ли от скудности припаса, а может от жадности.

С Егором за одной партой три года просидел Иван Конопелько. Егор учился хорошо, считался в школе отличником. Иван успевал несколько похуже. Они часто вместе делали уроки, Егор нередко помогал другу. Иван, у которого отец Григорий Яковлевич вернулся с войны героем, был поздоровее Егора и при необходимости вступался за него; он всегда имел в сумке большой кусок хлеба и ломоть слегка поджаренного, очень вкусного сала. Иван часто делил свой полдник с Егором.

В первую смену учились пятый и седьмой классы, во вторую шестой. Занятия для шестых классов, их в школе было два, начинались в два часа дня и заканчивались в половине шестого - шесть вечера. Тогда не было переходов на летнее и зимнее время. В шесть часов вечера было натурально темно. Ребята уходили из школы, когда в добрических хатах зажигали огни. Представьте

темный осенний дождливый вечер и шестеро ребяташек, четверо мальчиков и две девочки, бредут семь километров по густому, полному всевозможных опасностей и страхов лесу.

После войны в лесах бродили стаи волков. Фонариков тогда не было, вернее, их можно было достать в городе, но они были очень дорогими, недоступными для этих ребят. Иногда изобретали какой-либо факел или фонарь с самодельной свечкой внутри, но он часто гас от легкого дуновения ветра. Эти шестеро василёвских ребят были дружны (хотя иногда возникали какие-то мелкие конфликты), они не могли уйти утром, не дождавшись всей команды, или вечером. Ходили только вместе. Учились все неплохо.

Отличницей была Поля Мотина (Малеева Полина Ивановна - сестра Ивана Ивановича, о котором неоднократно упоминалось). После окончания десяти классов в Гуте она поступила в Брянский лесотехнический институт, успешно его закончила и много лет работала в Брянском областном управлении лесного хозяйства.

Хорошо учился Петя Агеев (Малеев Петр Агеевич), который потом закончил Новозыбковский сельскохозяйственный техникум и работал на разных должностях Красноярского комбайнового завода.

Коля Агапин (Малеев Николай Николаевич), его наш замечательный учитель Малютин Николай Корнеевич называл Миклухо-Маклаем, после Добрикской семилетки учился в Гуте, закончил десять классов, служил пограничником на границе с Ираном, потом где-то еще учился - он живет в Старой Гуте.

Мой друг Иван Григорьевич Конопелько, после школы уехал на целину, потом служил в Армии и где-то остался в Казахстане.

По неточным сведениям в Казахстане живет и Малеева Раиса Павловна (замечательная, скромная, красивая девочка была в школьные годы).

Егор Малеев закончил с отличным аттестатом Добрикскую семилетку, потом Новозыбковский сельскохозяйственный техникум, затем Ярославский политехнический институт, инженерно-строительный факультет.

В те же далекие, замечательные, трудные годы, Добрикская семилетняя школа нам казалась самой лучшей на свете.

Мы любили, обожали своих учителей, а они, надеюсь, любили нас. Разве можно забыть нашу замечательную учительницу русского языка и литературы, нашу классную руководительницу Антонину Ивановну Воронину, или прекрасного педагога – математика Николая Кондратьевича Серикова, Петра Константиновича Морозова и всех других наших добрых наставников. В нашем «Б» классе (пятом-шестом-седьмом) учились, если так можно выразиться, иногородние, то есть не Добрикские, а ученики из соседних деревень: Рудни, Дубиновки, Сапичевки, Стеклоной Гуты. Это были замечательные ребята. Отлично учились Анна Человская, Лида Попарецкая, Володя Шумейко, Иван Колесников. Как сложилась их судьба?

3.

Петр Иванович Малеев (Петя Стручонок), первый внук Никиты Корнеевича, унаследовавший многие добрые качества деда, еще до женитьбы успешно окончил коммерческое училище. В жены он взял одну из дочерей Евдокима Степановича, известного василёвского пчеловода – Акулину, умную, хозяйственную, красивую и добрую девушку. Года за три до войны у них родилась дочь, нареченная Галей в честь бабушки - жены Ивана Никитича, а в сороковом в семье появился и сын – Миша. У Ивана Никитича был большой дом на две половины, с просторными теплыми рублеными сенями и красивым резным крыльцом.

Семья Петра жила во второй, меньшей половине, выходящей окнами в сад. Он работал в торговле, на приличной должности, и семья жила в достатке. В свободное время Петр увлекался охотой, и ему в этом хобби сопутствовала удача: без нескольких зайцев он с охоты никогда не возвращался.

Петр Иванович был чуть выше среднего роста, крепкого атлетического телосложения, умен, смел, справедлив, очень порядочен и честен. Открытое лицо его, большой лоб, крупные умные глаза, крепкий приятный голос сразу вызывали к нему интерес и уважение. Он умел располагать к себе людей внимательным и добрым отношением к ним. Разговаривал всегда громко, что свойственно многим смелым, честным натурам, иногда не стеснялся ненормативных слов, если это было, по его мнению, к месту, много читал, особенно периодическую печать, хорошо разобрался во многих вопросах.

В начале войны он был мобилизован, и до середины 1945-го года о нем не было никаких известий. Только Акулина верила, что он жив, и верно ждала мужа.

И вот однажды, в июне 1945-го года в Василёвке появился Петр, на попутном американском грузовике, с двумя большими чемоданами. В Василёвке существовала прекрасная традиция, когда кто-то возвращался после долгого отсутствия, к нему в дом моментально сбегалась вся родня, а в отдельных случаях и вся деревня, дети в особенности, из любопытства и в расчете на гостинцы. Петр буквально всех пришедших приветствовать его возвращение, чем-то «одарил». Конфетами – детей и женщин, что в те годы в Василёвке считалось деликатесом. Папиросой «Казбек» - мужчин и курящих юношей.

Он был призван в Красную Армию 8 июля 1941-го года и определен в интендантские войска (были такие) – это армия генерала Хрулева, отвечавшая за снабжение фронта всем от патронов до перловки.

Петр был командирован в республики Средней Азии в качестве уполномоченного по заготовкам для фронта продовольствия: табака, зерна, мяса, свежих и сухих фруктов. У него был большой аппарат агентов и помощников, но он и сам мотался из республики в республику, из аула в аул, иногда днями не только не ел, даже не пил. Нужно сказать, что жители Средней Азии, особенно казахи, узбеки и киргизы с пониманием относились к нуждам фронта и отдавали чуть ли не последнее.

С заданием своего командования он справлялся успешно, за что неоднократно удостоивался благодарностей генерала армии Хрулева и Верховного Главнокомандующего, а также получил два ордена Красной Звезды и несколько медалей.

Об этом он с некоторыми подробностями поведал своим землякам. Демобилизовался в звании капитана интендантской службы.

Через две недели после возвращения он возглавил Унечский райпродмаг.

По прошествии чуть менее года, после демобилизации, в семье у них появилась маленькая миленькая девочка Саша. Она несколько отличалась от своих старших сестры и брата. Галя была спокойная, ровная, добрая, очень послушная и ответственная девочка. А Саша была живой, энергичной, непоседой, эдакой заводилой, она и внешне была непохожа на старшую сестру, чуть что-то похожее было от брата Миши. Петр Иванович года два ездил на работу в Унечу на велосипеде, а потом, году в 1949-ом, построил в Унече на улице Щорса просторный дом со всеми надворными постройками, как у отца в Василёвке. Петр пользовался большим уважением и в Василёвке, и в Унече.

Последние годы он вместе со старшей дочерью Галиной работал на Унечском радиозаводе, умер в преклонном возрасте. У него осталась младшая дочь Саша – Александра Петровна Малеева и внуки Олег (сын Галины), Алла (Дочь Миши) и Людмила (дочь Александры)

Галина Петровна, светлой памяти, была необыкновенным человеком, чистой, светлой души, преисполненной добра, ко всему она была еще и настоящей русской красавицей. Михаил Петрович мотался по разным комсомольским стройкам, много лет трудился в Уренгое, видимо, надорвался, и несколько лет назад его не стало. В Барнауле у него живет дочь Алла Михайловна (в девичестве Малеева) Бекенькова. Замужем за известным в крае предпринимателем. Счастлива. У нее двое детей – сын и дочь.

А в Унече, в доме, построенном Петром Ивановичем шестьдесят лет назад, на тихой улочке Щорса, живет его любимая младшая дочь Александра Петровна со своей семьей. Она окончила техникум, вышла замуж за военного и служила с ним по всему Советскому Союзу. Несколько лет назад первый муж-офицер умер. Умная, красивая и такая же бесконечно добрая, как ее покойные родители, она вышла второй раз замуж, вероятно, за хорошего человека.

4.

У же два года, как закончилась война, а от Сергея Никитича Малеева не было никаких известий, ни писем, ни похоронки, ничего. Словно его и не было. Ушел человек в первые дни войны на фронт и все: ни слуху, ни духу...

После смерти Никиты Корнеевича Серезу взял к себе в семью двоюродный брат отца Мирон. В многодетной семье Мирона был достаток и хорошие взаимоотношения. Сереза был хорошо принят, обласкан, и добрый, умный, послушный мальчик скоро стал в доме родным. Его никогда не обижали ни опекуны, ни названные братья. Сереза, в свою очередь, старался во всем, чем мог, помогать приемным родителям. Деревенские дети – и свои, и, в первую очередь, чужие – рано приобщались к труду. Сереза с восьми лет начал работать подпаском, а в одиннадцать его отдали на обучение к печнику.

Русская печка в крестьянской хате и накормит, и обогреет. Поэтому профессия печника, особенно хорошего печника, всегда пользовалась почетом. И уважением. Сергей через несколько лет обучения сам уже мог сложить прекрасную русскую печь, которая и не дымит в любую погоду, и хорошо греет, долго тепло держит, быстро и вкусно обеды варит и пироги печет. Он также научился плотничать, и, как всякий деревенский мужик, умел хорошо пахать и косить.

А еще он обладал особым искусством сеятеля. Селяне заметили, и в Василёвке сложилось твердое поверие, что там, где сеял Сергей, всегда вырастал хороший урожай.

Было у него и хобби – он любил и умел хорошо готовить. В Василёвке не было другого такого кулинара-умельца. Был он человеком очень добрым, никогда ни с кем не конфликтовал, не ссорился, даже на свою собаку Каштанку голоса никогда не повышал. А еще Сергей Никитич был интересным рассказчиком. Даже когда он рассказывал какие-либо простые истории, его спокойный, ровный, неторопливый, какой-то гипнотический голос сразу же собирал много слушателей. Он в меру выпивал, но никогда не напивался допьяна.

Женился он рано, в девятнадцать лет, на девушке из Гнилуши по имени Груня – Агриппина. Она очень часто болела и домашнее хозяйство вела не очень прилежно, но между тем родила Сергею Никитичу шестерых детей. Старший сын Василий, красивый, высокий, скромный парень ушел вместе с отцом на войну, где вскорости погиб. Дети у Сергея Никитича были на радость родителям. Две старшие дочери Татьяна и Мария были красавицами, рукодельницами. Мария Сергеевна живет до сих пор в Старой Гуте. Ей исполнилось уже восемьдесят лет. Средний сын Алексей, высокий, красивый (лицом он был похож на Высоцкого) умный, служил на Северном флоте, на Новой Земле, в зоне, где испытывали водородную бомбу. Демобилизовался, женился на

Гутняцкой красавице Марусе. Но что-то у них не сложилось, может, виной была Новая Земля. Развелись. Запил. Забомжевал. Несколько раз лечился в ЛТП. Бесполезно. Умер несколько лет назад. Младшие Тимофей и Полина жили в Крыму.

Но я отвлекся от рассказа о судьбе Сергея Никитича...

Дом его стоял в старом яблоневом саду, посаженном дедом Сергея – Корнеем Ивановичем еще в 1865-ом году. Сергей Никитич, как уже говорилось, ушел на фронт в первые дни войны и пропал.

...Теплым майским днем 1947-го года вдруг нежданно-негаданно возвратился Сергей Никитич с небольшим чемоданом, да тощим вещмешком за плечами, в какой-то очень простоватой одежде.

Для детей и Агриппины это была неожиданная радость.

Сергей Никитич рассказал, что буквально в один из первых боев под Оршей он вместе со всей своей ротой попал в окружение к немцам. У красноармейцев не было ни патронов, ни гранат, только винтовки и штыки. Но в штыковую против танков и пулеметов не пойдешь. Выбора не было. Вернее, был один выбор – сдаться в плен. Красноармейцев сразу же, как были брошены в кучу винтовки, выстроили в две шеренги.

- Евреи, комиссары и коммунисты, выйти из строя, – скомандовал немецкий офицер. Из строя вышел командир роты (коммунист) и младший политрук (коммунист).

- Увести! – приказал немец. – Повторяю, евреи, выйти из строя, – строй не шелохнулся.

- Первая шеренга, два шага вперед. Снять брюки и нижнее белье! – резко и громко сказал фашист, он неплохо говорил по-русски.

Нехотя, как бы неловко, красноармейцы начали расстегивать ремни и снимать брюки. Более ста красноармейцев униженно стояли перед группой гогочущих немцев. Офицер прошел вдоль одной, затем второй шеренги.

- Ты, ты, ты и ты, - выйти из строя! – скомандовал фашист.

Из строя вышли два татарина, узкоглазый киргиз и один, похожий на еврея. И вдруг, для всех неожиданно из второй шеренги вышел красноармеец, высокий, какой-то неуклюжий и заговорил на чистом немецком:

- Господин капитан, это не евреи, это мусульмане. Вы знаете, что у них тоже соблюдают ритуал обрезания.

Офицер остановился и почти ошалело смотрел на дерзкого красноармейца, потом спросил:

- Ты кто такой, что так хорошо говоришь по-немецки?

- Я гражданин этой страны, но по национальности немец, мой род живет в России с XVII века.

- Ты – немец и воюешь против Германии?! – возмутился офицер. – Как ты посмел?

- Я защищал свою родину – Россию! – с достоинством ответил русский немец.

Офицер некоторое время разглядывал долговязого, потом сказал по-немецки автоматчикам:

- Всех пятерых увести, – и добавил, – разберемся.

Пленных красноармейцев согнали на большую, огороженную колючей проволокой площадку. Два дня не давали ни еды, ни воды. Только на третий день выдали хлеб, воду и жидкий суп из рыбных консервов.

Так прошло несколько дней, когда однажды в лагере появилась группа офицеров, с ними были гражданские, в том числе две женщины. Пленных построили в одну шеренгу в каре, и несколько раз немцы прошли вдоль строя, затем отобрали двадцать пять человек, в числе которых был и Сергей. Потом их погрузили в большой крытый грузовик с автоматчиками и больше трех дней везли вглубь Германии. По дороге делали остановки и по одному, по двое пленных снимали с машины. Остальные продолжали путь дальше. Кормили два раза в день.

На одной из остановок Сергею велели выйти из машины и в сопровождении автоматчика и переводчика привели в большой двухэтажный дом под красной черепичной крышей. Из дома вышли две еще довольно молодые немки. Они недолго общались с переводчиком, который затем, обращаясь к Сергею, сказал:

- Муж этой фрау, – он указал на более молодую немку, – полковник Германской Армии. Он воюет на восточном фронте. Ты будешь работать в этом доме, будешь делать все, что тебе будет приказано. Запомни, работать будешь хорошо, и не думай о побеге. Если на тебя поступит хоть одна жалоба, ты будешь отправлен в концлагерь.

Сергей молчал. Немцы ушли. Ему отвели на первом этаже, в передней части дома, небольшую комнату, в которой был узкий топчан, небольшой стол, скорее тумбочка, и две табуретки. Потом показали туалет, ванную комнату, кухню, кирпичный сарай, в котором хранились инструменты, дрова и брикеты торфа и, наконец, сад. Изъяснялись жестами. Что-то показывая, немки, в основном,

хозяйка по несколько раз повторяла название предмета по-немецки и требовала повторить. Когда у Сергея произношение слова получалось неудачно, она сердилась. Хозяйка, которую звали Матильда, и «meine lieber Schwester» по имени Кэт произвели на него неплохое впечатление. После ознакомления с хозяйством Сергея накормили и, что ему особенно понравилось, предложили отдохнуть.

Сергей был хорошо сложен, недурен собой и, видимо, это обстоятельство определило, что его избрали в домработника-раба в имение немецкого полковника. Так началась его новая жизнь.

Поместье располагалось километрах в пятидесяти от небольшого городка Мейсен, недалеко от знаменитой Эльбы. Скоро Сергей свыкся со своим положением, работа для него, привыкшего к крестьянскому труду, была не очень тяжелой, хозяйка относилась без придинок, а ее старшая сестра и вовсе старалась подружиться с пленным. Однажды они стали близкими друзьями, но это заслуживает отдельного рассказа.

Так, почти три с половиной года Сергей батрачил на немецкой усадьбе. Освободили его наши части в апреле 1945-го и сразу передали «Смершу». Сергея Никитича долго, «с пристрастием» допрашивали, расспрашивали, пытали, как он попал в плен, почему сдался, а не застрелился («Не поверите, на всю роту не было ни одного патрона», - отвечал Сергей), почему не бежал, кто и как его завербовал, какое ему было дано задание, и прочее, и прочее, и прочее. А в июне тоже 1945-го вместо долгожданного дома отправили в Воркутинские шахты. Сказали:

- Не выйдешь из-под земли, пока не осознаешься во всем!

- Мне не в чем сознаваться.

- Повторяем, не выйдешь из-под земли, пока не сознаешься во всем, или пока мы сами не докопаемся, но тогда пойдешь под высшую меру.

Его и подобных ему бывших военнопленных по несколько недель не поднимали на поверхность. Кормили сносно. Примерно через полгода его вновь вызвали на допрос, и какой-то подполковник НКВД долго издевался над ним, пытаясь добиться каких-то признаний. Часа через четыре его отпустили, точнее, опустили опять в шахту.

Через два года, в мае 1947-го года Сергею Никитичу Малееву выдали небольшие деньги, заработанные в шахте, документы и билет на проезд до станции Унеча Брянской области.

Сергей Никитич Малеев прожил долгую и очень трудную жизнь. Умер он в 1978-ом году.

5.

Когда летом нам удавалось гостить у матери в Василёвке, просыпаясь утром, как правило, в восемь утра, что по деревенским понятиям «очень поздно», еще не открыв глаза, мы носами улавливали густой, чудный, сладковатый аромат свежей земляники – это любимая тетюшка Прося (Ефросинья Никитишна), старшая сестра отца приносила нам подарок. Она уже успела побывать на какой-то заветной полянке, а василёвские леса она знала, как никто другой, и собрать полную эмалированную миску, литра на два, душистой земляники.

Осиротевшая, после бегства матери Анны – Пызы, в восьмилетнем возрасте, девочка Прося обречена была на долгие тягостные скитания по близким и дальним родственникам, терпеть унижения и издевательства; прощать обиды и огорчения, которые были верными спутниками почти в течение всей ее жизни, и при этом сохранить главные человеческие достоинства: доброту, порядочность, честность и любовь к людям. Она была не лишена ума и привлекательности, а вынужденные скитания по чужим людям выработали у нее философскую житейскую мудрость, которой обладают только избранные люди. В личной жизни она не была в полной мере счастливой – наивную и доверчивую ее неоднократно коварно обманывали и предавали.

Она родила пятерых сыновей-богатырей и дочь, которые выросли хорошими людьми. Старший сын Иван воевал на фронтах Отечественной. Второй – Алексей – был самым сильным парнем (и мужиком) в Василёвке. Запросто брал на плечо толстое шестиметровое бревно. Был хорошим столяром-плотником, один за месяц мог срубить и собрать дом. Да все ребята были работающие и добрые: и Александр, и Петр. (Виктор умер в раннем детстве.)

Семья жила в постоянной бедности, на грани нищеты и лишений – поэтому из шестерых детей в живых осталась только дочь Евдокия Васильевна, которая создала хорошую семью, у нее замечательный сын Саша и двое прекрасных внуков.

Глава V

*В небесах отгорели зарницы,
И в сердцах утихает гроза.
Не забыть нам любимые лица,
Не забыть нам родные глаза...*

Н. Добронравов

1.

От железнодорожной станции Песчаники до Василёвки пять с половиной километров. Мишка Егоров (Малеев Михаил Егорович) знал эту дорогу на ощупь, с закрытыми глазами, каждую выбоину, колдобину, бугорок, каждый куст у дороги, каждое дерево. Вот уж четвертый год подряд каждую субботу проходит он этой дорогой по пути в Василёвку, а в воскресенье проделывает то же самое, только в обратном направлении.

Мишка учится на четвертом курсе Клинцовского текстильного техникума, живет на частной квартире и после окончания субботних занятий спешит на станцию, чтобы на любом, на каком

повезет, поезде уехать до станции Песчаники на воскресенье домой. За четыре года на чем только не приходилось ездить: на товарных, пассажирских и скорых поездах; военных эшелонах, даже на паровозах, на крышах, на подножках, на буферных сцепках, в тамбурах и багажных ящиках, которые имелись внизу у некоторых пассажирских вагонов – приходилось прыгать на ходу поезда (многие товарные не останавливались на станции Песчаники).

Представляете ли вы, что значит, ехать на крыше вагона или на подножке в дождь, пронизывающий холодный ветер или в тридцатиградусный мороз, в плохонькой одежонке? При чем, все это приходилось совершать с определенным риском, спасаясь от проводников, милиции и эшелонной охраны.

Был как-то драматический случай, когда в молодого парня, жителя Гуты, прыгнувшего на ходу на платформу военного эшелона, выстрелил поезда охранник автоматной очередью по обеим ногам. Парень потерял много крови, его чудом спасли.

Но выбора не было, как и не было денег на билет. Ехать нужно, во что бы то ни стало, потому что дома в Василёвке, во-первых, ждут мама, младшие сестренка Маша и братишка Егорка, а, во-вторых, нужно дома на неделю взять с собой в Клинцы шесть-семь килограммов картошки и немного ячневой крупы. Это все, что можно было взять, и этим питаться неделю.

Правда, студентам, как и всем другим городским жителям, выдавались продовольственные карточки, по которым полагалось четыреста граммов хлеба на день, немного (двадцать граммов) сахара и по сто граммов рыбы или мяса, чаще всего выдавали соленую кильку.

Мишка старался соблюдать жесточайшую экономию. Сам жил впроголодь, но умудрялся к концу недели сэкономить немного хлеба, сахара и кильки, он знал, что дома его ждут полуголодные мама, брат и сестра.

Он старался хорошо учиться, потому что троечников лишали стипендии, а без стипендии ему не прожить. Половина стипендии уходила на оплату за снимаемый угол в частном доме, а вторая половина на выкуп продовольствия по карточке.

Миша не курил и никогда не позволял себе выпить даже газировки, хотя очень хотелось попробовать ее вкус, о пиве он и мечтать не мог. Зато он мог видеть большой плакат, висевший на углу одного кирпичного дома в Клинцах – усатый мужчина в шляпе держит в руке полную пивную кружку и крупными буквами призыв: «Пейте пиво Росглавпива».

Иногда ему приходилось ездить домой на подножке или на крыше пассажирского поезда Гомель-Москва, который приходил на станцию Песчаники вечером, около 19.00 и останавливался на одну минуту. Осенью и зимой это было уже темное время суток. Четыреста метров от станции до Гуты и далее с полкилометра полем до небольшой речки Кикирёвец, а дальше – четыре километра густой, сосновый лес.

Мишка был не робким, скорее, смелым парнем, но всегда, когда он один шел во тьме лесом, в котором бродили волки, а после войны их было много, причем хорошо знающих вкус человечины, были случаи нападения волчьих стай на одиноких путников даже в дневное время; разумеется, Мишка всегда по дороге через лес испытывал, может быть, не страх, а какой-то дискомфорт.

Однажды, это было в субботу 8 января 1947-го года (второй день Рождества Христова), Мишка сошел с поезда и быстрыми шагами направился в Василёвку. Было очень холодно. Мороз

градусов под двадцать, и сильная метель с пронизывающим, завывающим ветром. Видимость в пределах тридцать-сорок шагов.

Он уже почти прошел поле перед Кикирёвцем, как вдруг впереди, совсем близко, Миша разглядел семь серых, медленно бредущих волчьих силуэтов. «Что делать?» - лихорадочно подумал он.

«У меня зашевелилась шапка на голове от вздыбившихся волос», - рассказывал потом Мишка. Он остановился, остановились и волки. Деревьев рядом нет, фонарика, чтоб попытаться светом отпугнуть зверей, тоже нет. Мишка – пальцы в рот и громко, как только мог, засвистел. Волки не шелохнулись. Он опять повторил свист.

Один из волков, что был чуть впереди, в центре стаи, свернул с дороги и, не спеша, направился в чернеющие вблизи кусты. Вся стая медленно побрела за вожаком.

Миша постоял еще некоторое время. Попросту, он не мог двигаться. Потом медленно, с оглядкой, перешел мост и, когда прошел шок, готов был бежать бегом, но сдержался из боязни, что бегущего начнут преследовать волки. Когда дома рассказал о встрече с волчьей стаей, мама Федосья чуть не упала в обморок.

Мишке исполнилось восемнадцать лет, он был главным мужчиной в доме и чувствовал повышенную ответственность за семью, в которой было много проблем: трудно с одеждой, обувью, едой. После окончания семилетки в Добрике он решил продолжить обучение дальше. Он хотел учиться, он понимал, что оставшись в колхозе, он обречен на тяжелый бесплатный труд. Ближе текстильного техникума в Клинцах не было другого специального учебного заведения, и это определило и его выбор, и его судьбу.

В летние каникулы он работал в колхозе, чтоб помочь слабой здоровьем матери и пятнадцатилетней сестренке Маше, которая уже вовсю пахала на колхозных полях и косила вместе с другими девчонками сено. Год назад он с помощью двоюродного брата Леси, дядьки Стефана, дядьки Сергея, Федьки Авдотьиного (так в деревне звали бывшего военного разведчика Малеева Федора Владимировича) и Конопелько Григория Яковлевича провел капитальный ремонт избы с заменой фундаментных стоек и четырех нижних бревенчатых венцов. Дядя Сергей переложил заново печь.

Миша всегда находил себе работу по дому: то сарай ремонтирует, то крышу своего дома первый в деревне дранкой покрывает (сам изготовил станок, нарезал дранки и покрыл крышу).

Он занимался в техникуме в радиокружке и однажды сконструировал детекторный радиоприемник. Одев наушники, можно было слушать Москву и Киев.

Посмотреть и послушать чудо сбежалось все село. «Не может такого быть, - говорили взрослые мужчины и старики, - чтобы можно было самому, своими руками изготовить такое... Это чудо какое-то». Следует сказать, что детекторный радиоприемник в 1947-ом году в Василёвке вызвал такой же эффект, как запуск искусственного спутника в СССР, в 1957-ом году.

Миша был всесторонне одаренным парнем. Он был мастером на все руки. Мог запросто отремонтировать любой замок (в послевоенное время замки были дорогими), изготовить, не имея образца, утерянный ключ от замка, отремонтировать велосипед, швейную машинку, а позднее, радиоприемник любой конструкции, телевизор и т.д. Он сам научился играть на балалайке – хорошо играл.

В 1941-ом году один из отступающих красноармейцев, остановившись в Федосьиной хате на ночлег, подарил ему гитару. Боец исполнил на гитаре несколько разных мелодий. Миша попросил гитару и, к удивлению солдата, повторил то, что исполнял гитарист. Красноармеец был так этим поражен, что оставил гитару Мише. Он скоро научился неплохо на ней играть.

Уже будучи женатым человеком, он отправил сына Сергея в музыкальную школу по классу баяна, и раньше сына самостоятельно изучил ноты и научился играть на этом инструменте.

Миша обладал крепким, но добрым, уважительным характером и замечательным чувством такта... Его уважали сверстники, у него было много друзей: Василий Акимов, Василий Юрченко, Иван Кургуз, Дмитрий Слуцкий, Леся Мищенко, Женька Анищенко и другие василёвские парни. По-доброму к нему относились взрослые земляки, он всегда готов был помочь любому в любом вопросе, если мог. Не курил, не выпивал, не сквернословил, с уважением относился к старшим. В этом описании нет ни грамма идеализации – все было именно так.

Он очень любил свою маму Федосью Арсентьевну, стараясь во всем помочь и поддержать ее, и та, натура тонкая, чуткая, была бесконечно благодарна ему за это.

Миша с большой братской любовью относился к своей младшей сестре Маше, которая с тринадцати лет вынуждена была работать в колхозе, причем, обладая от природы хорошим здоровьем, она выполняла тяжелую работу наравне с мужчинами: косила, пахала, метала копны, валила и вывозила лес, таскала мешки, равные собственному весу. Она была активной, работающей, красивой девушкой, и не только василёвские парни набивались ей в кавалеры, но и гутняцкие и красновичские, приходя группами в Василёвку на танцы, обращали внимание на Марию.

Миша понимал, что на его младшую сестру с его уходом на учебу легли все тяготы домашних забот, что он переложил на нее ответственность и за дом, и за мать, и за младшего брата. Она как бы становилась заложницей обстоятельств, хотя тоже имела право на образование и более легкую, чем в колхозе, жизнь – способности у нее были.

Но она оставалась надежным тылом, который обеспечивал братьям учебу.

Миша успешно окончил техникум, отслужил пять лет в Советской Армии, женился, участвовал в строительстве Брянского камвольного комбината, где и проработал всю жизнь от помощника мастера до начальника ремонтно-механического цеха.

У него прекрасная семья: жена – Евгения Петровна – замечательный человек, тоже ветеран камвольного комбината, старший сын – Сергей – окончил институт культуры по классу баяна, теперь руководит в Брянске музыкальным коллективом, дочь – Ольга – закончила сельскохозяйственную академию, воспитывает двух замечательных девочек, студенток одного из брянских ВУЗов.

Миша умер в 2006-ом году и похоронен в Брянске.

Мария в 1973-ем году переехала на постоянное место жительства в рабочий поселок, расположенный на берегу Волги, в нескольких километрах от Ярославля.

Сейчас она на пенсии. У нее хорошая, дружная семья: муж Иван Михайлович, работал на птицефабрике механиком, теперь тоже пенсионер. Дочь Марии – Галина – окончила железнодорожный техникум, у нее двое замечательных сыновей и прекрасная дочь, родившиеся и выросшие в городе, для которых Василёвка – далекое и очень абстрактное понятие.

Если бы великому классику, прежде, чем гнать «русскую тройку» в свой Миргород, чтобы любоваться там «украинской ночью», посчастливилось заблагорассудиться и побывать в «майскую ночь» в Василёвке, школьники Советского Союза и России заучивали бы наизусть текст, который бы начинался словами:

«Доводилось ли вам в майскую лунную ночь бывать в Василёвке? Знаете ли вы, что такое великоросская ночь! О, вы не знаете василёвской ночи. Вот, после тяжелого трудового дня, крепким сном спит большое село, укрытое волшебным нездешней красоты, гигантским, звездно-голубым шатром. Со всех сторон в открытые на ночь окна домов доносятся изумительные, радостно тревожащие душу соловьиные хоры, а легкие эфиры вносят в ваш покой чудные запахи цветущих садов, черемухи и сирени. И вся ощущающаяся чарующая красота как будто скрыта легкой полупрозрачной вуалью. Вот становится чуть светлее, и из-за зубчатых вершин соснового леса, что за тихо струящейся серебристой речкой, медленно выплывает напоминающая большую-пребольшую золотую елочную игрушку красавица луна, и на миг все, даже соловьи, зачарованные этой таинственной красотой, прекращают свои сладкозвучные песни. А луна поднимается все выше, и в ее волшебном свете ярче виднеется сказочно-туманная дымка, сквозь которую вам предстает божественная картина благоухающих садов, извилистой, как будто наполненной жидким золотом, речки и необыкновенно красивые, словно вылитые из серебра, дома. «И тихо-тихо все кругом.» Только соловьиные трели волнуют окрестности, да неугомонные перепелки призывно кричат в пшеничных полях, да на реке перекликаются коростели.»

Ну, разумеется, Н.В.Гоголь написал бы не так, в тысячу раз прекраснее, потому, что майской лунной ночью в Василёвке воображение переполняют прекрасные мысли...

Но что это? Кто потревожил эту идеалистическую картину? Кто тихо, так тихо, что не шелохнется ни один листок на цветущей вишне, словно привидение в белом, короткими перебежками, скорее похожими на полет Зефира, пробирается в стоящий в тени раскидистого вяза дом? Но... Стоп!... Следом еще что-то белое, только более объемное и неуклюжее, осторожно двигается следом.

Но первое заметило второе и вдруг таинственно исчезло. Второе, объемное и расплывчатое, в растерянности остановилось посреди сада, постояло минуту-другую, и вдруг, в этой волшебной ночи раздается сильный удар, звук разбивающихся стекол, и мстительный звонкий женский крик:

– Ах, ты, шлюха! Ну, теперь я тебя поймала с поличным, б... такая!, - это кричала жена армейского разведчика, старшего лейтенанта в запасе, Федора Малеева, которая давно подозревала его в супружеской неверности и связях со знойной вдовой, майской мечтой всех василёвских мужчин, Надеждой П., и давно следила за вероломным супругом.

– Федор, выходи бесстыдник! Я все видела, все знаю, кобель шелудивый! Детей полон дом, а он в чужую постель... бессовестный!

В разбитом окне появляется лунолика Надежда.

– Ты что, угорела, дура, или спьяну тебе причудилось, что чужие окна бьешь среди ночи? Нужен мне твой Федор, свет на нем сошелся клином, да у меня..., – она спохватилась, примолкла. – А окно чтоб твой Федор завтра же сделал, как было. Что стоишь, дура, иди в хату, ищи своего дурака, нужен он мне больно.

Дуня, жена Федора, в растерянности постояла еще с полминуты, сплюнула и пустилась к себе домой босиком по росистой траве. Дергает дверь, но она почему-то заперта. Еще дергает, потом стучит. К двери подходит сонный недовольный армейский разведчик. Снимает крючок, которым запирается дверь.

– Ах, ты, сучка! Ты где, б... такая, была, ты к кому ходила? Тебе что, своего мужика мало? Я день как раб вкалываю, а она, сука, по чужим мужикам ночью шляется! Пошла вон, откуда пришла! – так говорит Федор, на всякий случай отвечает жене увесистую оплеуху и идет спать, ликуя в душе, как ловко он провел операцию по дезориентации противника. Думает: «Ну, теперь следить больше не будет. Вот так...»

Эту историю поведал мне мой незабвенный, светлой памяти, друг Петр Егорович Слуцкий.

3.

Среди иностранцев, бывавших неоднократно в нашей стране, сформировалось устойчивое мнение, что самые красивые девушки мира живут в России. Абсолютно с ними согласен. И хочу добавить, что самые-самые красивые русские девушки в пятидесятые-шестидесятые годы прошлого XX века жили в деревне Василёвке Брянской области.

И не психология «кулика» позволяет мне делать такое утверждение; не знаю, чем это объяснить, может каким-то десятилетиями, веками осуществлявшимся отбором, может какими-то природно-климатическими особенностями, или еще чем-то, но василёвские девушки и женщины были действительно все на загляденье.

Вспоминаются дочери-красавицы Ирины Халимоновны Бородули: Ксения, Татьяна, Дуняша; девочки-умницы Анастасии Павлючихи: Прасковья, Нюра, Раиса, Шурочка; дочки Антона Евдокимова Галина и Зиночка – умницы-красавицы; двоюродные сестры-подружки, колхозные труженицы-красавицы Маша Сергеева и Маша Егорова; Надя Агапина, Соня Конопелькина, Нина Толкачева, Зина Василёва, Зина Агеева, Груня Болотвина – питомник красавиц. Любую из них откормить, помоднее одеть, причесать, и смело можно было направлять на конкурс красоты.

Но василёвские девушки были прекрасны не только внешне, они обладали массой других достоинств, прежде всего, чистой нравственной красотой, скромностью, порядочностью, умом, трудолюбием, прилежностью во всяком деле и добротой. И это не запоздалые реверансы, не дежурные комплименты, это – чистая правда.

Потому и приходили в Василёвку на танцы по субботам и разным праздникам гармонисты с командой парней, на всякий случай, чтоб василёвские женихи не обидели, из Гуты, Краснович, Совок, Найтоповичей и других сел, в надежде познакомиться с какой-то красивой девушкой с тем, чтобы потом на ней жениться, если повезет.

В Василёвке были и свои замечательные гармонисты. Среди поколения тридцатых годов пользовались славой хороших гармонистов Петр Иванович Малеев (Стручонок) и Яков Гаращенко. Лучшими в пятидесятых-шестидесятых годах считались Женька Анищенко, который замечательно играл на баяне, Петр Слуцкий, Гриня Вагилев, под их игру на гармошке танцевало мое поколение. Танцевальный вечер всегда открывался «страданиями», потом шли: медленный романтический танец «Падеспань», «Светит месяц», «Шахтера»; стремительные и веселые «Краковяк» и «Яблочко» – не матросское, а парное кавалер-девушка.

У русского народа независимо от региона проживания «страдания» – особо почитаемая мелодия, будь то в Саратовской, Ярославской или Курской области. Отличаются они некоторой манерой исполнения, да может какими-то местными «коленцами». Мне кажется, «страдания» по форме исполнения танца – это, своего рода, народная «кадриль». Обычно начинали танцевать одна-две пары наиболее смелых девушек, которых потом было принято «разнимать» парням. Подходят двое ребят к крутящейся-вертящейся паре девушек и жестами (слова из-за музыки и бубна, гомона, топота не всегда можно услышать) приглашают каждый определенную девушку, они, естественно, тут же отпускают друг дружку и подают руку кавалеру. Бывает, когда девушки по каким-то предпочтениям могут не согласиться танцевать с данными парнями, и тогда последние отходят, не солоно хлебавши, с нелестными комментариями в адрес кокеток. «Страдания», «Шахтера», «Светит месяц» сопровождалась всегда частушками-припевками, которые в исполнении голосистых красивых девушек звучали уместно и лирично, вносили живинку в мероприятие. Они были разные по форме, но у всех была одна тематика: любовь, верность, разлука, измена – все о главном, что волновало молодые девичьи сердца.

*У меня, залетка, в армии
Любимый ухажер.
Заводить другого, девушки,
Считаю за позор,
- запекает одна.*

*Проводила я миленка,
Он ушел фашистов бить.
На прощанье обещала
Одного его любить,
- вторит ей другая.*

И так весь танец «Страдания». Позднее, в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов в деревню пришли городские танцы: фокстроты, вальсы, танго.

Иногда, а чаще всего это бывало по большим советским или религиозным праздникам, на танцах появлялась компания «взрослых» мужчин и женщин в хорошем подпитии, как правило, в обнимку, сминала круг танцующих с веселым смехом, с шутками-прибаутками и «заказывала» гармонисту «Барыню». «Барыня, ты моя!...Сударыня, ты моя!» – и пошел народ плясать, только земля гудит. И то же с припевками-частушками, но их тональность и тема уже были другими, более откровенными и «выразительными».

Гармошка была не только музыкальным инструментом в василёвской жизни, она была важным ритуальным средством, как бубен у чукотского шамана, Все мероприятия, такие как:

встречи или проводы, свадьбы или семейные праздники, крестины или именины – были бы скучными без гармошки. Она была неизменной спутницей русского человека в радости и в горе, а также единственным средством коллективного развлечения молодежи.

4.

Воспоминания о малой родине, о давно прошедших днях детства и юности, проведенных в деревне, там, где жили, любили, маялись наши общие пра-пра-... прадеды, воскрешают в памяти светлые образы родственников, односельчан, товарищей, друзей, с которыми сроднила навек непростая и нелегкая деревенская жизнь. Наверное, в этом есть что-то большее, чем ностальгический синдром, какая-то заветная тайна, зашифрованная в нашем генетическом коде, которую нам никогда не дано разгадать.

Где бы за долгую жизнь ни приходилось бывать, какими бы природными красотами ни довелось любоваться, кажется, лучше и прекраснее родной Василёвки на свете ничего быть не может. Она – колыбель моя, она – моя трудная юность, она – Василёвка – любовь моя...

С годами воспоминания все ярче, все чище, все чаще. Мы были наивными детьми природы, которая нас окружала, кормила, поила, учила быть людьми.

Как только деревенские дети начинали ходить, им предоставлялась максимальная самостоятельность, иди, куда хочешь, ползай, бегай – здесь никто тебя не обидит, ничто не причинит тебе вреда. Ты – свободен, как Маугли, разумеется, с определенными оговорками.

Мы любили играть в Чапаева, в молодогвардейцев, в разведчиков, во всякую всячину. Но всегда, все хотели быть «русскими», хорошими, «правильными», и никто не хотел быть «немцами», «мальчишом-плохишом» или, не дай бог, «предателем». Голодные, рваные, босиком, по кустам, где водились гадюки, мы хотели быть и «понарошку» были героями.

Подросли, еще крепче сроднила учеба, каждодневные нелегкие походы в школу в Добрик, и вот мы уже почти взрослые, и твой первый, робкий, застенчивый танец с девочкой-ровесницей на пыльной площадке около клуба или на росистой лужайке на поворотке в Сапичевку. А в дни, когда не было танцев, а кино было один-два раза в месяц, мы собирались напротив дома Кургуза, на бревнах под большой березой, которой было, наверное, лет двести, много мальчишек-сверстников: Конопелькин Иван, Петя Кургузов, Вася Ковалек, Петя Агеев, Коля Агапин, Петя Слуцкий, Лешка Сергеев, Витя Геращенко, Толя Почечуев и другие – и негромко (иначе с бревен могли прогнать) подолгу вели разговоры-беседы на разные темы, но, в основном, мы вслух, публично делились своими заветными грезами: куда пойти, кем быть и т.д. Мы все мечтали о счастье.

Замечательные парни-мальчишки в те годы жили в Василёвке. Хорошие, правильные. Но жизнь-разлучница раскидала нас всех по свету, разбросала в такие дали пространства и времени, что мы навек потеряли друг друга...

...Воспоминания, воспоминания. Всё прошедшее видится в волшебном розовом цвете, потому что оно никогда-никогда больше не повторится, и потому так дороги нам и события тех далеких дней и образы тех, кто был попутчиком в такой долгой и такой короткой дороге жизни.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ (ПОСЛЕСЛОВИЕ)

В дореволюционной России численность сельского населения составляла около 80%, и только 20% – городское. Естественно, что при любом общественно-политическом строе такое соотношение вечно не могло сохраняться. Бурное развитие промышленности в начале и, особенно, в середине XX века требовало миллионы и миллионы рабочих рук, которые можно было взять только в деревне; освоение новых территорий, строительство новых городов формировало мощный вакуум на рынке труда, который высасывал все молодое, здоровое население из сельской местности.

Довольно резкое различие в условиях городского и сельского труда, в уровне жизни создавало благоприятные условия для оттока деревенского населения.

Безусловно, если бы условия жизни в деревне были адекватными городским, миграция не носила бы такого взрывного характера.

Вместе с интенсивным развитием городов и промышленных центров необходимо было в равной мере развивать и село: строить хорошие дороги, благоустроенное жилье, культивировать здоровое, а не паразитическое фермерство, обеспечить селян (в первую очередь!) хорошим личным легковым автотранспортом, чтобы селянин чувствовал себя в «шаговой доступности» от города. Все это позволяла сделать экономика Советского Союза за счет некоторого перераспределения статей бюджета; многое можно было сделать и в последние 8 лет новой России, когда резервные фонды работали на чужую экономику.

Думается, всем, кто знал Василёвку, все, кто в ней бывал, с большой болью в душе осознают, что такой замечательной деревни больше нет, и никогда не будет на карте России.

До войны (Великой Отечественной) через несколько лет после коллективизации положение в деревне стабилизировалось, и немногие хотели уйти, уехать, устроиться в городе.

Послевоенное «крепостное право», которое де-факто сложилось в советской деревне, резко снизило рождаемость на селе, породило массовое неистребимое желание, во что бы то ни стало, любым путем вырваться из этого проклятого деревенского ада. И даже хрущевские меры, когда селянам выдали паспорта, когда большинство колхозов были преобразованы в совхозы, когда крестьянам стали выдавать зарплату деньгами, а позднее при Брежнев, когда началось активное жилищное строительство на селе – не смогли остановить мощного исхода людей из сел и деревень. Последнюю грязную точку в уничтожении деревни поставил Б.Ельцин своим указом о роспуске колхозов и совхозов. Это был смертельный нокаут. Все это вместе взятое и многое другое обрекло деревню на ликвидацию.

Если проследить в хронологической последовательности василёвские события, связанные с ее медленным умиранием, то можно отметить следующие основные моменты:

- 1941-1945** – почти половина мужского населения Василёвки не вернулось с ратных полей войны;
- 1945** – несколько молодых людей завербовались в районы Крайнего Севера (Малеев Иван Евгеньевич, Юрченко Федор Анисович и др.);
 - уехали учиться Кургуз Любовь Васильевна, Малеева Прасковья Павловна, Малеев Владимир Федорович;

- 1946** – в Унечу переезжают семьи Малеева Петра Ивановича, Малеева Кузьмы, Малеева Федора Тимофеевича, Юрченко Ефросиньи Кирилловны;
- 1947-1950** – уезжают на учебу в Ж.У., ФЗУ и техникумы: Кургуз Иван Васильевич, Малеев Николай Акимович, Малеев Михаил Егорович, Малеев Иван Трофимович, Малеев Федор Стефанович, Малеев Алексей Сергеевич, Мищенко Александр Васильевич, Мищенко Алексей Васильевич и многие другие;
- 1951-1965** – уезжают на учебу и не возвращаются в деревню Малеев Петр Агеевич, Малеев Николай Николаевич, Малеева Полина Ивановна, Малеева Раиса Павловна, Мытницкий Михаил Ефимович, Сапичев Сергей Андреевич, Малеев Егор Егорович, Слуцкий Андрей Егорович, Слуцкий Дмитрий Егорович, Слуцкий Петр Егорович и многие другие;
- 1966-1980** – в Унечу, Гуту и другие места переезжают многие василёвцы;
- 1981-1990** – в деревне Василёвке остаются, в основном, только пожилые женщины и старики, которым, приросшим к родной земле, уезжать никуда и ни за какие деньги не хочется;
- 1991-1995** – в деревне осталось 12 человек населения. В основном, пожилые женщины.
- Сентябрь 2007** – деревню покидает последняя жительница Малеева Мария Сергеевна.

И такая картина может быть похожей для сотен и тысяч других сел и деревень России.

Россия - самая большая страна по занимаемой территории суши, располагающая самой большой площадью пахотных земель, способная прокормить 2-3 миллиарда человек, в настоящее время утратила свою продовольственную независимость и половину продовольствия вынуждена импортировать из небольших по занимаемой площади и численности населения стран. Даже картошку наша страна закупает в Голландии, Польше, Германии и Израиле. И перспектив улучшения в обеспечении собственного населения собственным продовольствием у России нет, а правительством, кроме пустых заявлений на этот счет и мифических национальных проектов, не предпринимается никаких реальных шагов.

В любой момент, как только наше «поведение» не понравится кому-то, кто определяет внешнюю политику «запада», прекратятся зарубежные поставки, и кончится наше «бананово-колбасное изобилие». А через 3-5 месяцев в стране начнется голод. Но анализ этой проблемы – это другая, не стоящая перед автором этой маленькой повести, задача.

Я хотел, в какой-то, разумеется, далеко не в полной мере, а только на основании тех фактов и воспоминаний, которыми располагаю, восстановить хотя бы крупицу памяти о нашей общей малой Родине. К сожалению, мне не удалось описать многих достойных жителей Василёвки по той простой причине, что я не располагаю о них достаточным объемом информации. И за это прошу прощения у своих земляков.

Но, если мне посчастливилось возбудить в чьем-то сердце, причастном к василёвской действительности, ностальгическую память, я буду считать свою задачу выполненной.

P.S. Книга по определению предназначается для бывших обитателей Василёвки или их потомков, всех тех, кому может быть интересной деревенская жизнь.

Покорнейше Ваш, Е. Малеев

Февраль-апрель 2009 г.

г. Ярославль

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРЕ

МАЛЕЕВ Егор Егорович (Георгий Георгиевич) родился в деревне Василёвке Брянской области в 1937 году.

Закончил Новозыбковский сельскохозяйственный техникум, затем Ярославский политехнический институт, инженерно-строительный факультет. Всю жизнь проработал в строительстве; прошел путь от мастера до начальника областного проектно-строительного объединения. Участвовал в крупных стройках Заполярья, Восточной Сибири и Ярославской области.

За заслуги в области строительства награжден несколькими орденами и медалями СССР и РФ. Удостоен звания Заслуженный строитель РСФСР и Почетный строитель РФ.

У него двое детей и трое взрослых внуков.

Живет в Ярославле. Пенсионер. Занимается общественной работой.

**Председатель ЯРО
Ассамблеи народов России
Н. Хасиев**

ОТ АВТОРА

Автор выражает сердечную признательность за неоценимую помощь в создании этой повести Малееву Игорю Егоровичу, Малеевой-Осиповой Александре Петровне, Хасиевой Светлане Егоровне, Малееву Александру Федоровичу, Малеевой Альвине Рудольфовне, Толкачевой Марии Егоровне и всем другим, кто помогал в сборе информации и предоставил свои фотографии.

Буду рад, если кто-то из прочитавших повесть поделится своими впечатлениями и предложениями для возможного повторного издания.

Написать можно по адресу:

***150054, г.Ярославль,
ул. Чехова, дом 31 «А», офис ЯРО АНР
(для Малеева Егора Егоровича)***

или по электронной почте: maleev_ie@mail.ru

Е. Малеев